

Департамент образования и науки города Москвы  
Самарский филиал  
Государственного автономного образовательного  
учреждения высшего образования города Москвы  
«Московский городской педагогический университет»

*Кафедра общей и социальной психологии*

# **ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ**

*Хрестоматия для студентов  
направления подготовки «Психология»*

*Текстовое учебное электронное издание*

Самара  
2024

УДК 159.9  
ББК 88.1я73  
И90

*Издается по решению Ученого совета СФ ГАОУ ВО МГПУ*

*Составитель – А. Б. Степанов, кандидат психологических наук, доцент*

И90 История психологии: хрестоматия для студентов направления подготовки «Психология» / составитель А. Б. Степанов. – Электронные текстовые данные (796 КБ). – 2-е изд., измен. – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2024. – URL: [https://samara.mgpu.ru/files/elibrary/psih\\_ped/Stepanov\\_Istoriya\\_psihologii.pdf](https://samara.mgpu.ru/files/elibrary/psih_ped/Stepanov_Istoriya_psihologii.pdf)

Методическое пособие предназначено для студентов очной формы обучения, рассчитано на ознакомление с основными научными источниками в процессе изучения дисциплины. В пособии содержатся вопросы для семинарских занятий, а также отрывки из научных источников по изучаемой тематике. Работа с научными источниками должна помочь студентам сформировать и развить навыки самостоятельной работы с научной литературой.

УДК 159.9  
ББК 88.1я73

*Текстовое учебное электронное издание*

Самарский филиал ГАОУ ВО МГПУ,  
443081, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.  
Формат 60x90<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 7.

© СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2024  
© А. Б. Степанов, сост., 2024

## Содержание

Введение .....	4
Тема 1. Подход М. Г. Ярошевского к анализу историко-психологических знаний .....	5
Тема 2. Характеристика души как формы живой материи в древнегреческой философии .....	11
Тема 3. Ассоциативная психология о психических явлениях .....	15
Тема 4. Начало тестирования как метода изучения психики .....	18
Тема 5. Формирование и развитие социологического подхода в оценке психических явлений .....	21
Тема 6. Социальные направления в неопрейдизме на современном этапе развития психологии на примере концепции Э. Фромма .....	25
Тема 7. Развитие идей когнитивной психологии в трудах Ж. Пиаже .....	29
Тема 8. Развитие идей гуманистической психологии в работах В. Франкла .....	32
Тема 9. Мотивационная теория поля К. Левина .....	35
Тема 10. Русская психологическая мысль во второй половине XIX – начале XX в. ....	39
Тема 10. Вклад в теорию деятельности А. Н. Леонтьева .....	44
Тема 11. Вклад Л. С. Выготского в культурно-исторический и деятельностный подход ..	47
Тема 12. Основные тенденции в развитии отечественной психологии .....	49
Рекомендуемая литература .....	56

## Введение

Данная хрестоматия представляет собой сборник отрывков из монографий и трактатов ученых, труды и теории которых активно используются в преподавании курса «История психологии» для студентов направления подготовки «Психология». Работа с хрестоматией должна строиться на основе учета прохождения семинарских занятий по предмету «История психологии», целей и учебных задач этого курса.

Материал хрестоматии охватывает период, начиная с античной философии и заканчивая второй половиной XX в. Второе издание было дополнено вопросами и темами для подготовки к семинарским занятиям по курсу «История психологии» для студентов направления подготовки «Психология». Поэтому работа с текстами хрестоматии должна строиться на основе заданий семинарских занятий, сами тексты могут активно использоваться при подготовке ответов на семинарах и написании письменных работ.

Особое внимание хотелось бы обратить на то, что тексты в издании представлены с купюрами, что позволяет акцентировать внимание студента на главных мыслях текста, наиболее полно отвечающих учебным и познавательным задачам.

Данный текстовый материал представляет собой отрывки из работ известных философов и психологов, раскрывающий те или иные вопросы, разбираемые на занятии. Работа над дополнительным текстовым материалом помогает студенту приобрести необходимый навык самостоятельной работы с монографическими и иными научными источниками, приучает анализировать научный материал, выстраивать собственную систему выводов и оценки изучаемого материала.

Предполагается, что после окончания работы студент получит навык практической самостоятельной работы с текстовыми источниками, сможет более успешно анализировать и обобщать предлагаемый научный материал, осуществлять поиск и отбор необходимых научных источников самостоятельно.

## **Тема 1. Подход М. Г. Ярошевского к анализу историко-психологических знаний**

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Понятие категории научного анализа.
2. Выделение М. Г. Ярошевским основных категорий психологического анализа (образ, мотив, действие, отношения, личность и т. д.).
3. Краткая характеристика каждой категории психологического анализа М. Г. Ярошевского.
4. Роль категорий психологического анализа, выделенных М. Г. Ярошевским, в оценке психологических знаний.
5. Возможность оценки психологических явлений на основе объяснительных принципов научного исследования.

*Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История и теория психологии. Т. 1. – Ростов-на-Дону, 1996.*

(с. 44–47)

<...> душа рассматривалась как бесплотная, нетленная сущность, переживающая бренное тело, служащая средством общения со сверхъестественными силами, испытывающая воздаяние за земные поступки и т. д.

Именно это отнюдь не «языческое» содержание имплицитно [т. е. изначально] было заложено в древнегреческом по своей этимологии слове «психология», когда оно впервые стало прилагаться к совокупности сведений о душевных явлениях. Нет ничего более ошибочного, как делать на этом основании вывод, будто человечество не знало тогда иных взглядов на психику и сознание, кроме религиозно-идеалистических. Царившая в университетах схоластическая философия (ее и представляли те, кто создал термин «психология») действительно подчинялась диктату церкви. Однако даже в пределах этой философии возникали, отражая запросы новой социальной практики, передовые идеи.

В борьбе с церковно-богословской концепцией души утверждалось самосознание рвавшейся из феодальных пут личности. Отношением к этой концепции определялся общий характер любого учения.

<...> Длительное время по своему официальному статусу психология считалась философской (и богословской) дисциплиной. Иногда она фигурировала под другими именами. Ее называли ментальной философией (от лат. mental – психический), душесловием, пневматологией. Но было бы ошибочно представлять ее прошлое по книгам с этими заглавиями и искать ее корни в одной только философии. Концентрация психологических знаний происходила на многих участках интеллектуальной работы человечества. Поэтому история психологии (до момента, когда она около ста лет назад начала вести свою историческую летопись в качестве самостоятельной экспериментальной науки) не совпадает с эволюцией философских учений о душе (так называемая метафизическая психология) или о душевных явлениях (так называемая эмпирическая психология).

<...> Психологию на ее многовековом историческом пути считали наукой о душе, сознании, психике, поведении.

С каждым из этих глобальных терминов сочеталось различное предметное содержание, не говоря уже о конфронтации противоположных взглядов на него. Однако при всех расхождениях, сколь острыми бы они ни были, сохранялись общие точки, где пересекались различные линии мысли. Именно в этих точках «вспыхивали» искры знания как сигналы для следующего шага в поисках истины. Не будь этих общих точек, люди науки говорили бы каждый на своем языке, непонятном для других исследователей этого предметного поля, будь то их современники, либо те, кто пришел после них.

Эти точки, ориентируясь на которые мы способны вернуть к жизни мысль былых искателей истины, назовем категориями и принципами психологического познания.

Информацию о прошлом психологии хранят не только сменявшие друг друга философские системы, но и история естественных наук (в особенности биологии), медицины, педагогики, социологии.

Объективная природа психики такова, что, находясь в извечной зависимости от своих биологических оснований, она приобретает на уровне человека социальную сущность.

Поэтому ее причинное объяснение необходимо предполагает выявление ее обусловленности природными и общественноисторическими факторами. Исследуются же эти факторы не самой психологией, а соответствующими «сестринскими» науками, от успехов которых она неизменно зависит. Но и они, в свою очередь, зависят от нее, поскольку изучаемые ею явления и закономерности <...> играют важную роль в биологической и социальной жизни. Невозможно адекватно отобразить становление психологических проблем, гипотез, концепций, абстрагируясь от развития знаний о природе и обществе, а также игнорируя обширные области практики, связанные с воздействием на человека.

История науки – это особая область знания. Ее предмет существенно иной, чем предмет той науки, развитие которой она изучает. Следует иметь в виду, что об истории науки можно говорить в двух смыслах. История – это реально совершающийся во времени и пространстве процесс. Он идет своим чередом независимо от того, каких взглядов придерживаются на него те или иные индивиды.

<...> Применительно к психологии веками рождались и сменяли друг друга представления о душе, сознании, поведении. Воссоздать правдивую картину этой смены, выявить, от чего она зависела, и призвана история психологии.

Психология как наука изучает факты, механизмы и закономерности психической жизни. История же психологии описывает и объясняет, как эти факты и законы открывались (порой в мучительных поисках истины) человеческому уму. Итак, если предметом психологии является одна реальность, а именно реальность ощущений и восприятий, памяти и воли, эмоций и характера, то предметом истории психологии служит другая реальность, а именно деятельность людей, занятых познанием психического мира.

(с. 164–166, 94–95, 153, 158–159).

#### *Категориальный анализ*

За несколько десятилетий первые ростки новой дисциплины, выступившей под древним именем психологии, преобразились в огромную область научных знаний. По богатству теоретических идей и эмпирических методов она вышла на достойное место среди других высокоразвитых наук.

Как далеко отстояли начальные попытки найти в качестве уникального предмета психологии элементы сознания от широко развернувшейся многокрасочной панорамы душевной жизни и поведения живых существ, созданной усилиями многих школ и направлений! Распад на школы, каждая из которых претендовала на то, чтобы явиться миру в качестве единственно настоящей психологии, стал поводом для оценки столь необычной для науки ситуации как кризисной.

Реальный же исторический смысл этого распада заключался в том, что средоточием исследовательской программы каждой из школ стала разработка одного из блоков категориального аппарата психологии. Каждая наука оперирует своими категориями, т. е. наиболее фундаментальными обобщениями мысли, не выводимыми из других. Понятие о категориях возникло в недрах философии (здесь, как и во множестве других открытий, пионером был Аристотель, выделивший такие категории, как сущность, количество, качество, время и др.). Категории образуют внутренне связанную систему. Она выполняет в познавательном процессе рабочую функцию, поэтому может быть названа аппаратом мышления, посредством которого отражается различная глубина исследуемой реальности, каждый объект которой воспринимается в его количественных, качественных, временных и тому подобных характеристиках.

Наряду с названными глобальными философскими категориями (и в нераздельности с ними) конкретная наука оперирует собственными категориями. В них дан не мир в целом, а предметная область, «выкроенная» из этого мира в целях детального изучения ее особой, уникальной природы. Одной из таких областей является психика, или, говоря языком русского ученого Н. Н. Ланге, – психосфера. Конечно, она также постигается научной мыслью в категориях количества, качества, времени и т. д. Но, чтобы познать природу психики, законы, которым она подчинена, овладеть ею на практике, нужен специальный категориальный аппарат, дающий видение психической реальности как отличной от физической, биологической, социальной.

Психология осваивала сферу своих явлений с помощью основных категориальных «блоков»: психического образа, психического действия, мотива, психосоциального отношения, личности. Любая мысль, вступая в общение с психической реальностью, схватывает ее не иначе, как в этих категориях. Разобщенность же школ произошла в силу того, что в рассматриваемый период каждая из них прицельно сосредоточилась на одном из блоков, категория образа стала одной из первых в теоретических схемах экспериментальной психологии, поскольку она опиралась на физиологию органов чувств, продуктом деятельности которых служат элементарные психические образы ощущения.

<...> Инвариант выражает наиболее устойчивое и постоянное в системе. Категории психологии инвариантны по отношению к системе психологических знаний. Каждая школа сосредоточилась на одном из инвариантов, но проделанная ею работа обогащала систему в целом. Поскольку, однако, прицельная разработка одного из инвариантов неотвратимо придавала теоретическому облику школы односторонность, дальнейшее развитие психологической мысли шло в направлении поиска интегральных схем. Они открывали перспективу синтеза идей, порожденных «монокатегориальными» школами.

\* \* \*

### *Категория образа*

Категория психического образа изначально выступала в качестве основы представлений о душе и сознании. Сознание – это прежде всего знание субъекта об окружающем мире и самом себе. Знание сообщает нечто о предмете, внешнем по отношению к тому, кто владеет этим знанием. Иначе говоря, за знанием скрыта никогда не разлучаемая связь субъекта с объектом. В этом воплощено отношение, на размышлении о котором сосредоточен один из разделов философии гносеология (от греч. «гнозис» – познание, знание). Иногда она называется также эпистемологией (от греч. «эпистеме» – знание и «логос» – учение) или теорией познания. Это философское направление имеет дело с кругом проблем, касающихся условий достоверности и истинности знания, его структур и способов преобразований и т. д.

Психологическое исследование во все века, соотносясь с этим гносеологическим (познавательным) отношением между субъектом и объектом, испытывало влияние различных философских подходов и решений. Но психология обращается к данной проблеме с собственными конкретно-научными запросами, вырабатывая категорию образа в качестве особой реалии бытия, стало быть, имеющей не только гносеологический, но и онтологический аспект. (Под онтологией философия понимает учение о сущем, о бытии.)

Категория образа, созданная исследовательской мыслью, является формой и инструментом ее работы (как и другие категории). Но в ней представлена реальность, которая существует независимо от мысли о реальности и степени ее освоения человеческим умом. Это реальность психической жизни самой по себе, безотносительно к тому, открылась она уму или нет. Поэтому психический образ, будучи категорией науки, «работает» независимо от нее не в меньшей степени, чем любые другие процессы бытия, будь то нервные, биологические, физические. Его (психического образа) бытийность, его причинное воздействие на телесное поведение живых существ существуют объективно с тех пор, как психический образ возник в той оболочке планеты, которая называется биосферой.

\* \* \*

### *Категория мотива*

Прежде чем войти в разряд психологических категорий и закрепиться в языке науки, представление о мотиве неизменно и повсеместно появлялось (под различными именами) во всех случаях, когда возникал вопрос о причинах человеческого поведения.

Мотив (от лат. *moveo* – двигаю) – это то, что движет живым существом, ради чего оно тратит свою жизненную энергию.

Мотив не может быть адекватно объяснен сам по себе, вне неразлучных связей и изначальной включенности в систему тех детерминант образа, отношения, действия, личности, которые конституируют общий строй психической жизни. Его «служба» в этой жизни предопределена тем, чтобы придать поведению импульс и направленность к цели, поддерживая энергетическую напряженность поведения на всем пути стремления к ней.

Будучи непременным «запалом» любых действий и их «горючим материалом», мотив издавна выступал на уровне житейской мудрости в различных представлениях о чувствах (например, удовольствия или неудовольствия), побуждениях, влечениях, стремлениях, желаниях, страстях, силе воли и т. д.

\* \* \*

### *Категория действия*

Любая трактовка психической организации живых существ предполагает включенность в структуру этой организации особого компонента, обозначаемого термином «действие». Уже Аристотель, которому, как отмечалось, принадлежит первая целостная теория психики как особой формы жизнедеятельности, трактовал эту форму в качестве сенсомоторной, стало быть, соединяющей ощущение с ответным мышечным действием организма. (Правда, центральным органом, служащим связующим звеном между чувственным образом и локомоцией, считалось сердце.)

Аристотель же впервые выделил такой важнейший признак действия, как его предметность. Прежде чем объяснить действие, подчеркивал он, нужно сперва разобраться в его объекте. В случае чувственного восприятия этим объектом является внешнее материальное тело, образ которого «подобно печати на воске» фиксируется органом ощущений. Однако поворотным как для Аристотеля, так и для всех последующих философов стал переход от ощущения к мышлению.

Вопрос об объекте умственного действия не мог быть решен аналогично тому, как объяснялось действие с объектом, непосредственно данным органу чувств. В результате было принято направление, на которое ориентировалась философско-психологическая мысль на протяжении многих веков. Как объект, так и действие с этим объектом переносились в качественно иную плоскость, чем присущая сенсомоторному уровню, на котором и «автор» действия, и само это действие, и объект, с которым оно сопряжено, являются доступными объективному изучению реалиями. На смену им пришло представление и об особой психической способности действовать, и об идеальном сверхчувственном предмете, постигаемом благодаря этой уникальной, несопоставимой с другими психическими функциями способности.

Если источником и носителем сенсомоторного действия являлся организм, то применительно к умственному действию принципом его реализации оказывался лишенный материального субстрата разум («нус»), который содержит в себе идеи-образцы всякого творения. Это стало основанием множества доктрин об особой интеллектуальной активности или созерцании как высшей ступени постижения истинного бытия вещей (в свою очередь умопостигаемых).

(с. 291, 313, 368–369)

*Объяснительные принципы в психологии*

*Принцип детерминизма*

Детерминизм один из главных объяснительных принципов научного познания, требующий объяснять изучаемые феномены закономерным взаимодействием доступных эмпирическому контролю факторов.

Детерминизм выступает прежде всего в форме причинности (каузальности) как совокупности обстоятельств, которые предшествуют во времени данному событию и вызывают его.

Наряду с этой формой детерминизма регуляторами работы научной мысли являются и другие: системный детерминизм (зависимость отдельных компонентов системы от свойств целого), детерминизм типа обратной связи (следствие воздействует на вызвавшую его причину), детерминизм статистический (при сходных причинах возникают различные в известных пределах эффекты, подчиненные статистической закономерности), целевой детерминизм (предваряющая результат цель определяет процесс ее достижения).

Принцип детерминизма, будучи общенаучным, организует различное построение знания в конкретных науках.

\* \* \*

*Принцип системности*

Системность объяснительный принцип научного познания, требующий исследовать явления в их зависимости от внутренне связанного целого, которое они образуют, приобретая благодаря этому присущие целому новые свойства.

За видимой простотой афоризма, гласящего, что «целое больше своих частей», скрыт широкий спектр вопросов, как философских, так и конкретно-научных. Ответы на них побуждают выяснить, по каким критериям и на каких началах из великого множества явлений обособляется особая категория объектов, приобретающих значение и характер системных.

Внутреннее строение этих объектов описывается в таких понятиях, как элемент, связь, структура, функция, организация, управление, саморегуляция, стабильность, развитие, открытость, активность, среда и др.

Идея системности проходит через многовековую историю познания. Словосочетания «солнечная система» или «нервная система» давно вошли в повседневный язык. От древних представлений о космосе как упорядоченном и гармоничном целом (в отличие от хаоса) до современного триумфа систем типа человеккомпьютер и трагедий, порождаемых деградацией экосистем, человеческая мысль следует принципу системности.

\* \* \*

*Развитие как объяснительный принцип*

Этот объяснительный принцип внутренне связан с другими регулятивами научного познания детерминизмом и системностью. Он предполагает рассмотрение того, как явления изменяются в процессе развития под действием производящих их причин, и вместе с тем включает постулат об обусловленности преобразования этих явлений их включенностью в целостную систему, образуемую их взаимоориентацией.

Принцип развития предполагает, что изменения происходят закономерно, что переходы от одних форм к другим не носят хаотического характера даже тогда, когда включают элементы случайности и вариативности. Это выступает и при соотнесении двух основных типов развития: эволюционного и революционного. Их соотношение таково, что, с одной стороны, обеспечивается преемственность в смене уровней при самых радикальных преобразованиях процесса развития, с другой происходит становление качественно новых форм, не сводимых к предшествующим. Тем самым становится очевидной односторонность концепций, которые либо, акцентируя преемственность, сводят новообразования в ходе развития к формам, характерным для низших этапов этого процесса, либо, акцентируя значимость революционных сдвигов, видят в появлении качественно иных, чем преж-

де, структур, эффект своего рода катастроф, разрывающих «связь времен». Под воздействием этих методологических установок складывались разные подходы к объяснению изменений, которые претерпевает психика в ее различных формах и масштабах – в филогенезе и онтогенезе.

Если речь идет о филогенезе, психика выступает в контексте общего хода развития жизни на Земле как один из его факторов, от самых простейших, зачаточных ее проявлений психика формируется как своего рода инструмент ориентации организма в среде, различения свойств среды с целью возможно более эффективной адаптации к ней посредством двигательной активности. Такое различение может быть интерпретировано как сигнальная, или информационная, функция, благодаря которой в виде сперва элементарных ощущений – чувствований, а затем все более усложняющихся когнитивных структур (чувственных образов) организм овладевает «картиной мира», в которой ему надлежит выжить. На различных ступенях великой эволюционной лестницы образ мира решительно изменяется, обеспечивая приспособление к расширяющимся пространственно-временным параметрам среды. Само же это приспособление реализуется усложняющимися механизмами поведения – системой реальных действий, которая позволяет удовлетворить испытываемую организмом нужду (потребность) в сохранении стабильности своей внутренней среды.

Перед нами целостный акт, где нераздельно представлены: играющий сигнально-информационную роль когнитивный компонент (образ), который позволяет организовать поведенческий ответ (действие) на идущий извне вызов, и побуждение (мотив) как энергетический компонент действия.

## Тема 2. Характеристика души как формы живой материи в древнегреческой философии

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Способности души (растительная, чувствующая, разумная).
2. Новизна представлений Аристотеля о душе (целостный подход, идея развития, преобладающая роль разума для становления личности и протекания психических процессов и т. д.).
3. Идеи Аристотеля в современном взгляде на онтогенез психических процессов (постепенный переход и преобразование низших способностей души в высшие).
4. Душа как энтелехия тела в учении Аристотеля.
5. Материалистическое учение Гиппократов о головном мозге.

*Аристотель. Соч. в 4 т., т. 1. – М., 1975.*

(с. 394–396)

Вот что надлежало сказать о дошедших до нас мнениях прежних философов о душе. А теперь вернемся к тому, с чего начали, и попытаемся выяснить, что такое душа и каково ее самое общее определение.

Итак, под сущностью мы разумеем один из родов сущего; к сущности относится, во-первых, материя, которая сама по себе не есть определенное нечто; во-вторых, форма или образ, благодаря которым она уже называется определенным нечто, и, в-третьих, то, что состоит из материи и формы. Материя есть возможность, форма же – энтелехия, и именно в двояком смысле – в таком, как знание, и в таком, как деятельность созерцания.

По-видимому, главным образом тела, и притом естественные, суть сущности, ибо они начала всех остальных тел. Из естественных тел одни наделены жизнью, другие – нет. Жизнью мы называем всякое питание, рост и упадок тела, имеющие основание в нем самом (di'autoy). Таким образом, всякое естественное тело, причастное жизни, есть сущность, притом сущность составная.

Но хотя оно есть такое тело, т. е. наделенное жизнью, оно не может быть душой. Ведь тело не есть нечто принадлежащее субстрату (hurokeimenon), а скорее само есть субстрат и материя. Таким образом, душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же [как форма] есть энтелехия; стало быть, душа есть энтелехия такого тела.

Энтелехия же имеет двоякий смысл: или такой, как знание, или такой, как деятельность созерцания; совершенно очевидно, что душа есть энтелехия в таком смысле, как знание. Ведь в силу наличия души имеются и сон, и бодрствование, причем бодрствование сходно с деятельностью созерцания, сон же – с обладанием, но без действия. Угодного и того же человека знание по своему происхождению предшествует деятельности созерцания.

Именно поэтому душа есть первая энтелехия естественного тела, обладающего в возможности жизнью. А таким телом может быть лишь тело, обладающее органами. Между тем части растений также суть органы, правда совершенно простые, как, например, лист есть покров для скорлупы, а скорлупа – покров для плода, корни же сходны с ртом: ведь и то и другое вбирает пищу. Итак, если нужно обозначить то, что обще всякой душе, то это следующее: душа есть первая энтелехия естественного тела, обладающего органами. Поэтому и не следует спрашивать, есть ли душа и тело нечто единое, как не следует это спрашивать ни относительно воска и отпечатка на нем, ни вообще относительно любой материи и того, материя чего она есть. Ведь хотя единое и бытие имеют разные значения, но энтелехия есть единое и бытие в собственном смысле.

Итак, сказано, что такое душа вообще. А именно: она есть сущность как форма (logos), а это – суть бытия такого-то тела, подобно тому, как если бы естественным телом бы-

ло какое-нибудь орудие, например топор. А именно: сущностью его было бы бытие топором, и оно было бы его душой. И если ее отделить, то топор уже перестал бы быть топором и был бы таковым лишь по имени. Однако же это только топор. Душа же есть суть бытия и форма (logos) не такого тела, как топор, а такого естественного тела, которое в самом себе имеет начало движения и покоя. Сказанное нужно рассмотреть и в отношении частей тела. Если бы глаз был живым существом, то душой его было бы зрение. Ведь зрение и есть сущность глаза как его форма (глаз же есть материя зрения); с утратой зрения глаз уже не глаз, разве только по имени, так же как глаз из камня или нарисованный глаз. Сказанное же о части тела нужно приложить ко всему живому телу. А именно: как часть относится к части, так сходным образом совокупность ощущений относится ко всему ощущающему телу как ощущающему.

Но живое в возможности – это не то, что лишено души, а то, что ею обладает. Семя же и плод суть именно такое тело в возможности. Поэтому, как раскалывание [для топора] и видение [для глаза] суть энтелехия, так и бодрствование; а душа есть такая энтелехия, как зрение и сила орудия, тело же есть сущее в возможности. Но так же как зрачок и зрение составляют глаз, так душа и тело составляют живое существо.

Итак, душа неотделима от тела; ясно также, что неотделима какая-либо часть ее, если душа по природе имеет части, ибо некоторые части души суть энтелехия телесных частей. Но конечно, ничто не мешает, чтобы некоторые части души были отделимы от тела, так как они не энтелехия какого-либо тела. Кроме того, не ясно, есть ли душа энтелехия тела в том же смысле, в каком корабельник есть энтелехия судна. Так в общих чертах пусть будет определена и описана душа.

(с. 65–67)

Все люди от природы стремятся к знанию. Доказательство тому – влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих, и больше всех зрительные восприятия, ибо видение, можно сказать, мы предпочитаем всем остальным восприятиям, не только ради того, чтобы действовать, но и тогда, когда мы не собираемся что-либо делать. И причина этого в том, что зрение больше всех других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий [в вещах].

Способностью к чувственным восприятиям животные наделены от природы, а на почве чувственного восприятия у одних не возникает память, а у других возникает. И поэтому животные, обладающие памятью, более сообразительны и более понятливы, нежели те, у которых нет способности помнить; причем сообразительны, но не могут научиться все, кто не в состоянии слышать звуки, как, например, пчела и кое-кто еще из такого рода животных; научиться же способны те, кто помимо памяти обладает еще и слухом.

Другие животные пользуются в своей жизни представлениями и воспоминаниями, а опыту причастны мало; человеческий же род пользуется в своей жизни также искусством и рассуждениями. Появляется опыт у людей благодаря памяти; а именно многие воспоминания об одном и том же предмете приобретают значение одного опыта. И опыт кажется почти одинаковым с наукой и искусством. А наука и искусство возникают у людей через опыт. Ибо опыт создал искусство, <...> а неопытность – случай. <...>

Далее, ни одно из чувственных восприятий мы не считаем мудростью, хотя они и дают важнейшие знания о единичном, но они ни относительно чего не указывают «почему», например, почему огонь горяч, а указывают лишь, что он горяч.

Естественно поэтому, что тот, кто сверх обычных чувственных восприятий первый изобрел какое-то искусство, вызвал у людей удивление не только из-за какой-то пользы его изобретения, но и как человек мудрый и превосходящий других. А после того как было открыто больше искусств, одни – для удовлетворения необходимых потребностей, другие – для времяпрепровождения, изобретателей последних мы всегда считаем более мудрыми, нежели изобретателей первых, так как их знания были обращены не на получение

выгоды. Поэтому, когда все такие искусства были созданы, тогда были приобретены знания не для удовольствия и не для удовлетворения необходимых потребностей, и, прежде всего, в тех местностях, где люди имели досуг. Поэтому математические искусства были созданы прежде всего в Египте, ибо там было предоставлено жрецам время для досуга.

В «Этике» уже было сказано, в чем разница между искусством, наукой и всем остальным, относящимся к тому же «роду», а цель рассуждения – показать теперь, что так называемая мудрость, по общему мнению, занимается первыми причинами и началами. Поэтому, как уже было сказано ранее, человек, имеющий опыт, считается более мудрым, нежели те, кто имеет [лишь] чувственные восприятия, а владеющий искусством – более мудрым, нежели имеющий опыт, наставник – более мудрым, нежели ремесленник, а науки об умозрительном (theoretikai) – выше искусств творения (poietikai). Таким образом, ясно, что мудрость есть наука об определенных причинах и началах.

*Гиппократ. Избранные книги. – М., 1994.*

(с. 500–501, 509–512)

3. Но причина этой болезни, как и прочих великих болезней, есть мозг. А каким образом и почему это случается, я раскрою ясно. Мозг у человека, как и у остальных всех животных, бывает двойной, и середину его разделяет тонкая оболочка. Поэтому не всегда болит голова одинаковым образом, но иногда та или другая часть, а иногда и вся голова. Кроме того, к мозгу несутся со всего тела многие и тонкие вены, и две толстые: одна – от печени, другая же – от селезенки. И та, которая идет из печени, представляется в таком виде: одна часть вены идет направо вниз возле самой почки и поясницы к внутренней части бедра и достигает до ноги; она называется поллой веной. Другая же часть направляется вверх через правые стороны грудобрюшной преграды и легкое и разветвляется в сердце и в правом плече. Остальная же ветвь через ключицу устремляется к правой стороне шеи в самую кожу так, что бывает видима; около же уха она скрывается и там разделяется и своею толстейшею, наибольшею и обширнейшею частью оканчивается в мозгу; другую же ветвь своею, которая есть вена тонкая, идет отчасти к правому уху, отчасти к правому глазу, а частью к носу. Вот в таком-то виде находятся вены от печени. От селезенки же вена устремляется вниз и вверх по левую сторону, так же как от печени, но, однако, более тонкая и слабая.

<...>

14. Полезно также знать людям, что не из иного места возникают в нас удовольствия, радости, смех и шутки, как именно отсюда (от мозга), откуда также происходят печаль, тоска, скорбь и плач. И этой именно частью мы мыслим и разумом, видим, слышим и распознаем постыдное и честное, худое и доброе, а также все приятное и неприятное, различая отчасти все это по установившемуся обычаю, а отчасти по той пользе, которую получаем. Этою же частью мы распознаем удовольствия и тягости, смотря по обстоятельствам, и не всегда нам бывает приятно одно и то же. От этой же самой части нашего тела мы и безумствуем, и сумасшествуем, и являются нам страхи и ужасы, одни ночью, другие днем, а также сновидения и заблуждения неуместные, заботы беспричинные; отсюда также происходит у нас незнание настоящих дел, неспособность и неопытность. И все это случается у нас от мозга, когда он нездоров и окажется теплее или холоднее, влажнее или суше своей природы или вообще когда он почувствует другое какое-нибудь страдание, несообразное со своей природой и обычным состоянием. Безумно случается у нас от влажности, ибо когда мозг будет влажнее, чем требует природа, то он по необходимости приходит в движение, и, когда волнуется, тогда по необходимости ни зрение, ни слух не находятся в спокойном состоянии, но иногда совсем иное видит и слышит, а язык произносит все то, что больной каждый раз видит или слышит. А когда мозг находится в спокойном состоянии, тогда человек здраво мыслит.

15. Но порча мозга происходит от слизи и желчи; то и другое ты распознаешь следующим образом: те, которые безумствуют от слизи, спокойны: не кричат и не волнуются, а те, которые безумствуют от желчи, крикливы, зловредны и совершенно беспокойны и всегда делают что-либо несообразное. Итак, вследствие этих причин они постоянно безумствуют. Когда же появляются ужасы и страхи, они происходят от изменения мозга, что бывает тогда, когда от желчи мозг нагревается и когда желчь через вены, разносящие кровь, с напором будет перенесена из тела на мозг, и страх до тех пор присутствует, пока она опять не возвратится в вены и в тело; затем наступает успокоение. Без причины же происходит печаль и тоска тогда, когда мозг сильно охлаждается и сжимается больше привычного своего состояния, а это бывает от слизи; через это же самое страдание больной теряет память. Ночью, когда мозг внезапно согревается, больной взывает и кричит, и это случается у желчных и совсем не бывает у флегматиков; согревается же мозг тогда, когда обильная кровь нахлынет к мозгу и в нем начинает вскипать. Та же кровь в изобилии проходит через вышесказанные вены, когда случится, что кто-либо видит страшное сновидение, а бывает в страхе; как у бодрствующего лицо сильно разгорается и глаза краснеют, когда он испытывает страх и ум его замышляет сделать что-либо злое, то же самое происходит с ним во сне. Когда же он пробудится и придет в себя и кровь снова разольется по венам, тогда это прекращается.

16. По всем этим; причинам, я думаю, что мозг имеет весьма великую силу в человеке, ибо, находясь в здоровом состоянии, он бывает для нас истолкователем всего того, что происходит от воздуха, но самое понимание дает ему воздух. Глаза, уши, язык, руки и ноги выполняют все то, что одобрит мозг, ибо тело настолько имеет разумения, насколько оно причастно воздуху. Но мозг является вестником этого разумения, ибо, когда человек втянет в себя дух, этот прежде всего несется в мозг, а затем воздух рассеивается в остальное тело, оставивши в мозгу свою силу и все то количество разумения и ума, которое он имел. А если бы сначала он входил в тело, а потом уже в мозг, то, оставивши способность различения в плоти и венах, он входил бы в мозг теплым и не чистым, но смешанным с влагой плоти и крови, и в таком случае он не был бы вполне совершенным.

17. Поэтому я утверждаю, что истолкователь разумения есть мозг. А грудобрюшная преграда получила свое название, по видимому, случайно и по обычаю, а не вследствие самой действительности и не от природы. И в самом деле я не вижу, какую силу имеет диафрагма для разумения и мышления, кроме лишь того, что, если человек будет поражен нечаянною великою радостью или печалью, она прыгает и отскакивает вследствие своей тонкости и вследствие того, что очень сильно растянута в теле и не имеет полости, в которую могла бы воспринять все случающееся хорошее и дурное, но от того и другого из них она сотрясается вследствие природной слабости. Действительно, она ничего не чувствует больше, чем прочие части, находящиеся в теле, и напрасно приписывается ей это имя и дело. Точно так же как те части, которые связаны с сердцем, названы ушами, хотя они не принимают участия в слышании. Некоторые же говорят, что мы мыслим сердцем и что оно именно чувствует печаль и заботу. Но дело не так обстоит; напротив, оно (сердце) сокращается, как диафрагма, и даже еще более по следующей причине: из всего тела направляются к нему вены, которые оно держит закрытыми, так что оно чувствует, когда у человека возникает печаль или забота.

### Тема 3. Ассоциативная психология о психических явлениях

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Научные предпосылки формирования ассоциативной психологии.
2. Анатомофизиологические основы ассоциации в оценке ассоциативных психологов (Д. Пристли, Д. Толанд и др.).
3. Оценка роли ассоциации во время психических процессов, восприятия (впечатления) и идеи.
4. Попытка изучения связи между внутренними отношениями организма и внешней средой во время процесса познания в ассоциативной психологии.
5. Значение ассоциативной психологии для развития науки, её роль в изучении психических процессов.

*Хрестоматия по истории философии: от Лао-Цзы до Фейербаха. – М., 1998.*

(с. 327–331)

[ТЕОРИЯ ЗНАНИЯ]

Все перцепции [восприятия] человеческого ума сводятся к двум отличным друг от друга родам, которые я буду называть *впечатлениями* (impressions) и *идеями*. Различие между последними состоит в той степени силы и живости, с которой они поражают наш ум и прокладывают свой путь в наше мышление или сознание. Те восприятия (перцепции), которые входят [в сознание] с наибольшей силой и неудержимостью, мы назовем *впечатлениями*, причем я буду подразумевать под этим именем все наши ощущения, аффекты и эмоции при первом их появлении в душе (soul). Под *идеями* же я буду подразумевать слабые образы этих впечатлений в мышлении и рассуждении.

Существует еще одно деление наших восприятий, которое следует сохранить и которое распространяется как на впечатления, так и на идеи, – это деление тех и других на *простые* и *сложные*. Простые восприятия, т. е. впечатления и идеи, – это те, которые не допускают ни различения, ни разделения. Сложные восприятия противоположны простым, и в них могут быть различены части.

...Между нашими впечатлениями и идеями существует большое сходство во всех особенных свойствах, кроме степени их силы и живости. Одни из них кажутся в некотором роде отражением других, так что все восприятия нашего сознания оказываются двойными, предстают в качестве и впечатлений, и идей.

Все наши простые идеи при первом своем появлении происходят от простых впечатлений, которые им соответствуют и которые они в точности представляют (represent).

Впечатления можно разделить на два рода: впечатления *ощущения* и впечатления *рефлексии*. Первый род впечатлений первоначально возникает в душе от неизвестных причин. Второй извлекается по большей части из наших идей.

...Природа как бы указывает каждому языку те простые идеи, которым всего больше подобает объединяться в сложные. Таких качеств, из которых возникает эта ассоциация и с помощью которых ум переходит указанным образом от одной идеи к другой, три, а именно: *сходство*, *смежность* во времени или пространстве, *причина* и *действие*.

Я думаю, незачем особенно доказывать, что все эти качества вызывают ассоциацию идей и при появлении одной идеи естественно вводят другую. Очевидно, что в процессе нашего мышления при постоянной смене наших идей наше воображение легко переходит от одной идеи ко всякой другой, которая имеет сходство с ней, и что одно это качество является для воображения достаточным связующим началом и ассоциацией. Столь же очевидно и то, что, как чувства, изменяя свои объекты, с необходимостью изменяют их, повинаясь неизвестному правилу, и воспринимают эти объекты в их *смежности* друг к другу, так и воображение в силу длительной привычки должно приобрести такой же способ мышления и пробегать части пространства и времени, представляя свои объекты. Что

же касается связи, образуемой отношением *причины* и *действия*, то нам представится впоследствии случай основательно исследовать ее, поэтому мы не станем теперь останавливаться на ней. Достаточно заметить, что нет отношения, которое производило бы более сильную связь в воображении и заставляло бы одну идею с меньшим трудом вызывать другую, чем отношение причины и действия между объектами этих идей.

Если уму никогда не дано ничего, кроме восприятий, и если все идеи происходят от чего-нибудь предварительно данного уму, то отсюда следует, что мы не можем представить себе что-то или образовать идею чего-то специфически отличного от идей и впечатлений. Попробуем сосредоточить свое внимание [на чем-то] вне нас, насколько это возможно; попробуем унести воображением к небесам, или к крайним пределам вселенной; в действительности мы ни на шаг не выходим за пределы самих себя и не можем представить себе какое-нибудь существование, помимо тех восприятий, которые появились в рамках этого узкого кругозора. Кругозор же этот – вселенная, создаваемая воображением, и у нас нет идей, помимо тех, которые здесь порождены.

#### [ПРОБЛЕМА ПРИЧИННОСТИ]

...Все рассуждения относительно причины и действия основаны на опыте и... все рассуждения из опыта основаны на предположении, что в природе будет неизменно сохраняться один и тот же порядок. Мы заключаем, что сходные причины при сходных обстоятельствах всегда будут производить подобные действия.

Ничто фактически данное не может быть доказано иначе как из его причины или из его действия. Ничто не может стать известным в качестве причины другого иначе как благодаря опыту. Мы не можем обосновать распространение на будущее нашего опыта в прошлом, но всецело руководствуемся привычкой, когда представляем себе, что некое действие вытекает из его обычной причины. Но мы не только представляем, что это действие наступит, а и уверены в этом. Эта вера не присоединяет новой идеи к представлению. Она только изменяет способ представления и приводит к различию в переживании или чувстве. Следовательно, вера во все фактические данные возникает только из привычки и является идеей, постигаемой специфическим *способом*.

Иногда из причины вытекает одно действие, иногда – другое. В таком случае мы всегда верим, что появится то действие, которое наиболее часто бывает. Я смотрю на бильярдный шар,двигающийся по направлению к другому. Я не могу различить, движется ли он, вращаясь вокруг своей оси, или же послали так, чтобы он скользил по столу. Я знаю, что в первом случае после удара он не остановится. Во втором – он может и остановиться. Первое наиболее обычно, и, следовательно, я ожидаю этого действия.

Когда дана причина, ум благодаря привычке немедленно переходит к представлению обычного действия и вере в то, что оно наступит. Эта вера есть нечто отличное от данного представления. Однако она не присоединяет к нему какой-либо новой идеи.

И когда мы прибегаем к помощи опыта, он только показывает нам объекты, которые смежны, следуют друг за другом и бывают постоянно соединены друг с другом.

Из всего сказанного читатель легко поймет, что философия, которая содержится в этой книге, является весьма скептической и стремится дать нам представление о несовершенствах и узких пределах человеческого познания. Почти все рассуждения сводятся к опыту, и вера, которая сопровождает опыт, объясняется лишь посредством специфического чувства или яркого представления, порождаемого привычкой.

#### [ПРОБЛЕМА БЫТИЯ]

Дух не есть субстанция, в которой пребывают восприятия. Это понятие так же непостижимо, как и *картезианское* понятие, согласно которому мысль, или перцепция, вообще есть сущность духа. У нас нет идеи субстанции какого-либо рода, поскольку у нас нет идей, кроме тех, которые выводятся из некоторого впечатления, впечатления же какой-либо субстанции, материальной или духовной, у нас нет. Мы не знаем ничего, кроме определенных частных качеств и восприятий. Подобно тому как идея какого-либо тела, например персика, является только идеей определенного вкуса, цвета, фигуры, размера,

плотности и т. д., так и наша идея какого-либо ума является только идеей, складывающейся из определенных восприятий без представления о чем-либо, что мы называем субстанцией простой либо сложной.

Мир, в котором мы обитаем, представляет собой как бы огромный театр, причем подлинные пружины и причины всего происходящего в нем от нас совершенно скрыты, и у нас нет ни знания достаточного, чтобы предвидеть те бедствия, которые беспрестанно угрожают нам, ни силы достаточной, чтобы предупредить их. Мы непрестанно балансируем между жизнью и смертью, здоровьем и болезнью, изобилием и нуждой, – все это распределяется между людьми тайными, неведомыми причинами, действие которых часто бывает неожиданным и всегда – необъяснимым. И вот эти-то *неведомые причины* становятся постоянным предметом наших надежд и страхов; и если наши аффекты находятся в постоянном возбуждении благодаря тревожному ожиданию грядущих событий, то и воображение наше также действует, создавая представления об указанных силах, от которых мы находимся в столь полной зависимости. Если бы люди могли расчлнить природу в соответствии с требованиями наиболее вероятной или по крайней мере наиболее вразумительной философской системы, то они обнаружили бы, что данные причины суть не что иное, как особое строение и структура мельчайших частиц их собственных тел, а также внешних объектов, и что все события, в которых они так заинтересованы, порождаются правильно и постоянно функционирующим механизмом. Но эта философская система превышает понимание невежественной массы, которая может составить себе только общее и смутное представление о *неведомых причинах*, хотя ее воображение, постоянно занятое одним и тем же предметом, и должно стремиться образовать частную и отчетливую идею таких причин. Чем больше люди рассматривают как сами эти причины, так и неопределенность их действий, тем меньше удовлетворения дают им их изыскания; и в конце концов они, хотя и неохотно, оставили бы попытки, связанные с такими трудностями, если бы этому не воспрепятствовала одна свойственная человеческой природе склонность, которая приводит к системе, до некоторой степени удовлетворяющей их.

Люди обладают общей склонностью представлять себе существующее подобным себе и приписывать каждому объекту те качества, с которыми они близко знакомы и которые они непосредственно осознают. Мы усматриваем на луне человеческие лица, в облаках армии и в силу естественной склонности, если таковую не сдерживают опыт и размышление, приписываем злую или добрую волю каждой вещи, которая причиняет нам страдание или же доставляет удовольствие.

Даже философы не могут вполне освободиться от этой естественной слабости; они часто приписывали неодушевленной материи страх перед пустотой, симпатии, антипатии и другие аффекты, свойственные человеческой природе. Не менее абсурдно обращать свой взор вверх и переносить, как это часто бывает, человеческие аффекты и слабости на божество, представляя его себе завистливым и мстительным, капризным и пристрастным – словом, подобным злобному и безрассудному человеку во всех отношениях, за исключением свойственной этому божеству высшей силы и власти. Неудивительно, что человечество, находящееся в полном неведении относительно причин и в то же время весьма озабоченное своей будущей судьбой, тотчас же признает свою зависимость от невидимых сил, обладающих чувством и разумом. Все *неведомые причины*, постоянно занимающие мысли людей и всегда предстающие в одном и том же аспекте, считаются принадлежащими к одному и тому же роду или виду; и немного времени надо для того, чтобы мы приписали им мышление, разум, аффекты, а иногда даже человеческие черты и облик с целью сделать их еще более похожими на нас.

Нетрудно заметить, что, чем больше образ жизни человека зависит от случайностей, тем сильнее он предается суеверию; в частности, это наблюдается у игроков и мореплавателей, которые из всех людей меньше всего способны к серьезному размышлению, но зато полны всяких легкомысленных и суеверных представлений.

#### Тема 4. Начало тестирования как метода изучения психики

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Общее понятие о тестировании, его функции и роль при изучении психики. Естественно-научные предпосылки тестирования (использование методов математической статистики для анализа данных, работа по конструированию приборов по изучению рефлекторных и психических реакций и т. д.).
2. Вклад Ф. Гальтона в изучение психических процессов и нервно-рефлекторной деятельности.
3. Изучение интеллектуального развития детей А. Бине.
4. Попытка изучения личностных особенностей и черт характера с помощью тестирования, появление проективных методик.

*Бине А. Измерение умственных способностей. – СПб., 1999.*

(с. 113–132)

Теперь мы рассмотрим, с помощью каких приемов должно производиться распознавание умственных способностей ребенка.

На деле учитель, одаренный наблюдательностью, в некоторых наиболее резких и отчетливых случаях может составить себе правильное мнение об умственных способностях своих учеников.

Я не считаю необходимым долго останавливаться на тех маленьких эмпирических средствах, которыми постоянно пользуются для этой цели. Принимаются в расчет живость ума, ясность ответов, верность их и множество других признаков, которые часто бывают очень полезны и оказывают большие услуги. Однако иногда учителя бывают поставлены в тупик, иногда совершают некоторые ошибки, свидетелем которых я бывал. То же я повторю о родителях. Если они умны и просвещены, они великолепно сумеют отдать себе отчет в умственных способностях их детей, но чаще всего им недостает оснований для сравнения; они стремятся рассматривать в качестве исключительного какое-нибудь явление умственной жизни, которое на самом деле является нормальным. Притом они чрезвычайно оптимистичны, ловятся на словечки детей, не по летам развитых, словечки, которые иногда бывают милы, иногда представляют собой просто отголоски и которые слишком часто выражают только одно: неуместную откровенность и недостаток рассудительности. Еще более наставников родители нуждаются в том, чтобы их научили оценивать детский ум. Что касается врачей, то насколько искусны они в этом деле? Я знаю, чем мы им обязаны, знаю, сколько услуг оказывают они нам, раскрывая нам физическое происхождение различных умственных расстройств, возникающих у детей. Но как могли бы они узнать, соответствуют ли умственные способности ребенка в точности его возрасту? Они не подготовлены к этому никакими специальными занятиями, а такт и здравый смысл не заменяют специального изучения дела. Действительно, как, путем какого рассуждения можно открыть, в каком возрасте ребенок должен уметь сосчитать свои пальцы, или различать утреннее и послеполуденное время, или правильно называть главнейшие цвета, или знать денежный счет? Это абсолютно невозможно. Беседуя с учеником, легко видеть, является ли он медлительным или живым, болтуном или молчаливым, и таким образом можно приобрести известное общее представление, которым не следует пренебрегать, особенно в ярких случаях, в тех случаях, которые настолько отчетливы, что ни у кого не вызывают возражений. Но чтобы знать, соответствуют ли умственные способности ребенка его возрасту, запаздывают или опережают его возраст и насколько именно, надо владеть точным и действительно научным методом.

Что касается этого метода, то может ли психология нам его дать? Если она не дала его нам до сих пор, то в этом не ее вина, ибо уже двадцать или тридцать лет как вопрос об измерении умственных способностей актуален. Было немало составителей программ, до-

морощенных изобретателей, которые придумывали опыты, служащие для познания и измерения умственных способностей людей. Чего только не предлагали! Ребусы, которые нужно отгадывать, пробелы текста для заполнения, разбор плохого письма, усвоения сложной мысли, разборку или сборку машины, разгадывание скрытого механизма, критику рисунка, отыскание нелепости, истолкование ряда отвлеченных слов и пр., и пр. Однажды было даже предложено гораздо более простое испытание: оно состояло в том, что ребенка заставляют стучать по столу как можно быстрее, и по числу ударов, произведенных за пять секунд, должно было выводиться заключение об умственных способностях ребенка.

Предположим, что мы прежде всего сделали бы выбор между этими различными испытаниями, из коих некоторым, быть может, недостает ясности и точности. Если бы мы остановились на лучшем из них и стали строго и последовательно применять его к целому ряду учащихся, обладающих неодинаковыми умственными способностями, то позволило ли бы это единственное испытание открыть их интеллектуальные различия?

<...> Размышляя над этим, мы убеждаемся, что несовершенство метода умственных испытаний зависит от двух главных обстоятельств. С одной стороны, умственные испытания отрывочны, они касаются только одной или двух способностей, а не всей совокупности их. <...> С другой стороны, умственные способности каждого субъекта независимы и неодинаковы: со слабой памятью может соединяться сильная способность суждения, и тот, кто при употреблении соответствующего испытания обнаружил замечательную способность запоминания, может быть замечательным глупцом. Такие примеры мы встречали. Наши умственные испытания, которые всегда имеют специальное значение, являются в отдельности пригодными для анализа некоторых способностей, но они не могут вскрыть всю совокупность их. Но как раз от этой совокупности зависит ценность, представляемая индивидом. Каждый из нас представляет собрание склонностей; равнодействующая этих склонностей выражается в наших поступках и делает нашу жизнь тем, что она есть. Итак, именно эту совокупность надо уметь определять.

<...> Ничто так не заставляет изобретать новые методы, как необходимость в них. Без сомнения, мы долго оставались бы *status quo* (лат.: в прежнем положении) при одних отрывочных испытаниях, если бы нам не пришлось два года тому назад в целях подлинной общественной выгоды производить измерение умственных способностей по психологическому методу. Было желательно организовать в малом масштабе классы для аномальных детей. Но прежде чем учить этих детей, надо было их набрать. Спрашивается, как набирать их?

Мы уже говорили, что мнение учителей о детских умственных способностях нуждается в проверке и что школьная отсталость ученика не имеет большого значения, когда его предыдущее обучение было неправильно или когда сведения о его предыдущем обучении отсутствуют, как это часто случается в Париже. Что делать тогда? К нам ежедневно приводили учеников, в отношении которых не доставало необходимых данных; ни родители, ни наставники, ни школьное прошлое ребенка не могли нам помочь. Мы были в полном смысле предоставлены своим собственным средствам. Ребенок находился наедине с нами, в нашем кабинете; путем вопросов, продолжающихся четверть или полчаса, нужно было вынести о нем определенное суждение / суждение, страшное для нас, так как нам приходилось оказывать влияние на его будущность.

В этих-то обстоятельствах совместно с нашим преданным сотрудником доктором Симоном мы и выработали тот метод измерения умственных способностей, которому дали имя «метрической шкалы». Она выстраивалась медленно, с помощью исследования, произведенных не только в начальных школах и в детских садах над детьми от трех до шестнадцати лет, но также в больницах и богадельнях над идиотами, слабоумными и больными; наконец, среди людей разного сорта, даже в полку, над грамотными и неграмотными взрослыми. После сотен проверок и усовершенствований мое зрелое и окончательное мнение все же не считать этот метод совершенным. Но это метод, который следовало бы употреблять. И если после нас другие усовершенствуют его, на что мы очень

надеемся, то это случится не иначе как посредством применения наших собственных приемов и путем использования нашего опыта.

Руководящая идея такого измерения состояла в следующем: нужно было придумать значительное количество испытаний, которые были бы быстрыми и точными в одно и то же время и представляли бы возрастающую трудность; испробовать эти испытания на большом числе детей различного возраста, заметить результаты, выявить те испытания, которые удаются в определенном возрасте, но не могут быть (в среднем) выполнены детьми младше хотя бы на один только год; составить таким образом метрическую шкалу умственных способностей, которая позволяет определить, находится ли интеллект данного субъекта в соответствии с его возрастом или же он обнаруживает запаздывание либо опережение, а также сколько месяцев или лет достигает их величина.

<...> Первые испытания были произведены в яслях у колыбелей, причем мы употребляли звонки, бисквиты и конфеты. Первое пробуждение интеллекта состоит в слежении взглядом за предметом, например за передвигаемой зажженной спичкой. Затем идет внимание к звуку; мы звоним в колокольчик за головой ребенка, и он оборачивается. Схватывание приближаемого предмета имеет место уже в девятимесячном возрасте; немногим позднее ребенок уже умеет отличать кусок дерева и кусок шоколада и тянет этот последний предпочтительно к себе в рот. Первые произвольные слова начинаются к восемнадцати месяцам и двум годам. В два года, и даже немного раньше, ребенок ходит без посторонней помощи и достаточно понимает речь, чтобы быть в состоянии исполнять простые поручения, например пойти искать мяч.

С трехлетнего возраста начинаются опыты в детском саду. <...> Опыты в детском саду довольно просты; они состоят прежде всего в повторении детьми цифр или слов. Ребенку говорят три цифры, например 2, 8, 7, и он должен верно повторить их. По приказанию он указывает наиболее выдающиеся части своего лица или же называет представляемые ему весьма обыкновенные предметы. Это уже вещи более сложные, ибо развитие речи предполагает в одно и то же время, что субъект понимает речь другого и что он находит слова для выражения собственной мысли; но этот второй акт начинает выполняться позднее первого. У этих маленьких детей также спрашивают их фамилию и требуют ответа на следующий вопрос: «Ты мальчик или девочка?» Последнее упражнение в речи выполняется с помощью рисунков, которые имеют то ценное преимущество, что всегда интересуют детей. <...>

От шести до двенадцати лет опыты проводятся в начальной школе. Здесь мы оставались долее всего. Нас не сдерживали какие-нибудь затруднения; школьник, начиная с семи лет, бывает хорошо дисциплинирован. Мы не встретили здесь ни одного примера робости, который доставлял бы трудности; ни один ребенок не отказывался отвечать нам, ни один не казался смущенным после нескольких минут, проведенных с нами. <...>

Испытания, которым подвергают этих детей, довольно многочисленны и относятся ко всем умственным способностям: к чувственному восприятию, а также к речи, которая начинает играть важную роль в психической жизни ребенка; выполнение испытаний требует внимания, того, что мы назвали направлением, пониманием, изысканием и обсуждением.

## **Тема 5. Формирование и развитие социологического подхода в оценке психических явлений**

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Оценка общественного влияния на развитие психических процессов (мышление, восприятие и др.) в концепции К. Леви-Стросса и Л. Леви-Брюля.
2. Сравнительная оценка влияния различных общественных отношений на психические процессы.
3. Изучение мифологического творчества как возможность осознания приемов и структуры человеческого мышления.
4. Сходство и различие мифического (архаического) и современного мышления.

*Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Хрестоматия по истории психологии. – М., 1980.*

(с. 222–226)

II. Почему общество может быть источником логической мысли?

Что могло превратить социальную жизнь в такой важный источник логической жизни? Ничто, кажется, не предназначало ее для этой роли, потому что, очевидно, не для удовлетворения спекулятивных потребностей объединились люди.

Может быть, найдут слишком смелым с нашей стороны братья за решение такой сложной проблемы. Для этого, казалось бы, нужно иное знакомство с социологическими условиями познания, чем то, которым мы теперь обладаем. Однако самый вопрос так важен, что мы должны напрячь все усилия, чтобы не оставить его без ответа. Может быть, есть возможность и в данное время установить некоторые общие принципы, способные осветить вопрос и облегчить его решение.

Содержание логической мысли состоит из общих понятий (концептов). Исследовать, почему общество может играть роль в происхождении логической мысли, – это значит спросить, в силу чего оно может принимать участие в образовании концептов.

<...> Понятие не есть мое понятие; оно общее с другими людьми и, во всяком случае, может быть сообщено им. Нельзя заставить ощущение перейти из моего сознания в чужое; оно тесно связано с моим организмом, с моей личностью, и не может быть отделено от них. Все, что я могу сделать, – это пригласить другого встать на мое место и подвергнуться воздействию того же объекта. Напротив, всякий разговор, всякое умственное общение между людьми состоит именно в обмене концептами. Концепт есть представление по существу своему безличное: он служит главным средством общения людей между собой.

Природа концепта, таким образом, свидетельствует о его происхождении; насколько он общ всем, настолько же он является производением всех. Из того, что он не носит на себе печати какого-либо индивидуального ума, следует заключить, что он выработан умом коллективным. Если он более устойчив, чем ощущения и образы, то именно потому, что коллективные представления более устойчивы, чем представления индивидуальные: индивид чувствителен даже к слабым переменам, происходящим в его внутренней или внешней среде; умственное состояние общества могут взволновать лишь достаточно важные события. Всякий раз, когда нам дан тип мышления или действия, сводящий к одному образцу многие отдельные воли и умы, мы имеем дело с таким давлением, оказываемым на индивида, которое громко говорит о вмешательстве коллективности. Впрочем, мы уже сказали выше, что концепты, служащие нашей обыденной мысли, уже все вписаны в словарь. А едва ли может быть сомнение в том, что язык, а, следовательно, и система концептов, им передаваемая, составляют продукт коллективной работы.

Язык выражает то, каким образом, общество в своей совокупности представляет себе объекты опыта. А потому и понятия, соответствующие различным элементам языка,

являются представлениями коллективными. Само содержание коллективных понятий свидетельствует о том же. Почти нет слов, даже в употребляемом нами словаре, смысл которых не простирался бы более или менее далеко за пределы нашего личного опыта.

<...>

Кто из нас знает все слова языка, на котором он говорит, и всевозможные значения каждого слова?

Последнее замечание объясняет, в каком смысле мы говорим, что концепты суть коллективные представления. Они общи целой геосоциальной группе, но не потому, что составляли простую среднюю величину из соответственных индивидуальных представлений; ибо в таком случае они были бы беднее содержанием, чем эти последние, между тем как в действительности они по богатству выражаемого ими знания далеко превосходят знание среднего индивида. Это не абстракции, которые имели бы реальное *бытие* лишь в индивидуальном сознании, а представления, столь же конкретные, как те, какие индивид может выработать из своего личного опыта.

Если фактически концепты всего чаще являются общими идеями, если они большей частью выражают категории и классы, а не отдельные предметы, то это происходит потому, что единичные и изменчивые черты явлений интересуют общество очень редко; в силу своей обширности, своих размеров они могут быть возбуждаемо лишь общими и постоянными свойствами вещей.

Вот это именно и создает ценность для нас коллективной я мысли. Если концепты были бы лишь общими идеями, они не обогащали бы особенно познание, ибо общее, как мы уже указывали, не содержит в себе ничего, чего не было бы в частном. Если же это прежде всего коллективные представления, то они прибавляют к тому, что мы извлекли из нашего личного опыта, всю ту мудрость и знание, которые общественная группа накопила и сберегла в течение веков. Мыслить концептами не значит просто видеть реальное с наиболее общей стороны, а значит бросать на ощущение свет, который его выдвигает в нашем сознании, проникает насквозь и преобразует. Понимать вещь – значит в одно и то же время схватить или определить ее существенные элементы и отнести их к известной совокупности вещей, ибо каждая цивилизация имеет характеризующую ее организованную систему концептов.

<...> Теперь уясняется, какая доля принадлежит обществу в генезисе логической мысли. Последняя возможна лишь с момента, когда человек, сверх беглых представлений, которыми он обязан чувственному опыту, достигает понимания целого мира устойчивых идеалов, общих множеству умов. Мыслить логически – это на самом деле мыслить в той или другой мере безличным способом или еще мыслить *sub specie aeternitatis*. Безличность и устойчивость – таковы два характеристических признака истины. А логическая жизнь, очевидно, предполагает, что человек знает, хотя бы только смутно, что существует истина, отличная от чувственных видимостей. Но каким образом мог он дойти до такого вывода? Обыкновенно думают, что это случилось с ним, лишь только он открыл глаза на мир. Однако в непосредственном опыте нет ничего, что могло бы оправдать такое заключение; здесь все противоречит ему. Поэтому дитя и животное даже не подозревают указанного выше различия. История, сверх того, показывает, что нужны были века для выявления и утверждения такого понимания истины. В нашем западном мире оно было ясно осознано со всеми своими последствиями лишь начиная с эпохи великих мыслителей Греции; и когда, наконец, оно было достигнуто, событие это показалось чудом, что Платон и высказал на своем великолепном языке. Но ранее выражения своего в философских формулах, то же понимание уже существовало в виде смутного чувства.

(с. 322–324)

Из книги «ДИКАРСКОЕ МЫШЛЕНИЕ» (К. Леви-Стросс)

Не будучи вовсе, как это часто считали, осуществлением «фантазирующей функции», отворачивающейся от реальности, мифы и ритуалы ценны главным образом тем, что они сохранили до нашего времени в остаточной форме способы наблюдения и размышления, которые были (и, несомненно, остаются) точно приспособленными к открытиям определенного типа, а именно тем, которые можно было сделать в природе на основе мыслительной организации и использования чувственного мира в чувственных терминах. Эта наука конкретного вынуждена была ограничиваться результатами, отличающимися от результатов, достигнутых позже точными и естественными науками, но все же она была научной, а ее результаты были вполне реальными. Достигнутые за десять тысяч лет до появления нашей науки, они все еще служат субстратом нашей цивилизации.

Итак, оказывается преодоленной ложная антиномия между логическим и дологическим интеллектом. Дикарское мышление логично в том же смысле и таким же образом, как и наше, но тогда, когда это последнее занимается познанием мира, у которого оно признает одновременно физические и семантические свойства.

Из монографии «МИФОЛОГИЧНЫЕ. Т. 1. СЫРОЕ И ПРИГОТОВЛЕННОЕ» (К. Леви-Стросс)

В «Элементарных структурах родства» мы за видимостью произвольности и несвязности брачных правил обнаружили небольшое количество простых принципов, благодаря которым очень сложная совокупность привычек и обычаев (на первый взгляд нелепых или считаемых таковыми) превратилась в осмысленную систему. Но там ничто не гарантировало внутреннего происхождения накладываемых ограничений...

Опыт, который в настоящей работе мы проделываем на материале мифов, является более доказательным. В противоположность исследованным в прошлом феноменам, мифология не имеет явной практической функции и прямой связи с отличной от нее реальностью (более объективной, чем она сама), порядок которой передавался бы духу; кажется, что дух здесь может совершенно свободно отдаться своей творческой спонтанности. Следовательно, если и в данном случае удастся доказать, что эта видимость произвольности, это считавшееся свободным парение, этот разгул изобретательности имеют в своей основе законы, действующие на более глубоком уровне, с необходимостью последует вывод, что оставленный наедине с самим собой и избегший необходимости работать с объектами, дух в некотором смысле сводится к имитации самого себя как объекта и что, поскольку законы этих операций не являются принципиально отличительными от тех, которые дают о себе знать в другой функции; дух проявляет тем самым свою природу вещи среди вещей. Не заходя в своих рассуждениях так далеко, нам достаточно будет убедиться, что если человеческий дух законосообразен даже в своих мифах, то он тем более должен быть таковыми повсюду.

<...> Философии слишком долго удавалось удерживать гуманитарные науки в замкнутом кругу, не позволяя сознанию увидеть иного предмета исследования, кроме самого сознания. Отсюда практическое бессилие гуманитарных наук, с одной стороны, и их иллюзионистский характер – с другой, ибо сознанию свойственно самообманываться. Структурализм же вслед за Руссо, Марксом, Дюркгеймом, Сосюром и Фрейдом стремится открыть для сознания другой предмет и тем самым поставить его по отношению к человеческим феноменам в положение физических и естественных наук, доказавших, что только так может осуществляться познание.

<...> Структурализм предлагает гуманитарным наукам эпистемологическую модель, несравнимую по своей мощи с теми, которыми они располагали раньше. Он открывает позади вещей единство и связность, которые не могли обнаружиться при простом описа-

нии фактов. Изменяя уровень наблюдения и усматривая за эмпирическими фактами объединяющие их отношения, он констатирует и доказывает, что эти отношения проще и понятнее, чем вещи, между которыми они располагаются... Структурализм возвращает человека в природу и позволяет отвлечься от субъекта – этого несносного баловня, который слишком долго занимал философскую сцену и мешал серьезной работе, требуя к себе исключительного внимания...

<...> Читая критику в адрес структурализма со стороны некоторых философов, обвиняющих его в ликвидации человеческой личности и ее священных ценностей, я был ошеломлен. Ведь это все равно, что выступать против кинетической теории газов под тем предлогом, что объясняя, почему горячий воздух расширяется и поднимается, она ставит под угрозу семейную жизнь и мораль домашнего очага...

## **Тема 6. Социальное направления в неопрейдизме на современном этапе развития психологии на примере концепции Э. Фромма**

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Критика теории З. Фрейда. Появление новых терапевтических методик, изменение социальных условий, норм морали и нравственности, вызвавших иные результаты психоаналитической работы, не всегда указывающие на классические психоаналитические факторы психической жизни.
2. Предпосылки и причины возникновения ориентации при оценке психологической жизни индивида на социальные причины.
3. Основное отличие теории Э. Фромма от классического психоанализа.
4. Признание Э. Фроммом социальной обусловленности неврозов и психоанализа как метода терапии.

***Фромм Э. Ситуация человека (отрывки) // Из истории мировой гуманистической мысли. – М., 1993.***

(с. 22–26)

По своей телесной организации и физиологическим функциям человек принадлежит к животному миру. Жизнь животных определяется инстинктами, некоторыми моделями поведения, детерминированными [обусловленными], в свою очередь, наследственными неврологическими структурами. Чем выше организовано животное, тем более гибки его поведенческие модели и тем более не завершена к моменту рождения структура его приспособленности к окружающей среде. У высших приматов можно наблюдать даже определенный уровень интеллекта – использование мышления для достижения желаемых целей. Таким образом, животное способно выйти за пределы своих инстинктов, предписанных поведенческими моделями. Но каким бы впечатляющим ни было развитие животного мира, основные элементы его существования остаются все теми же.

Животное «проживает» свою жизнь благодаря биологическим законам природы. Оно – часть природы и никогда не трансцендирует её [здесь трансценденция – термин, обозначающий переход из сферы возможного опыта (природы) в сферу, лежащую по ту сторону этого опыта]. У животного нет совести морального порядка, нет осознания самого себя и своего существования. У него нет разума, если понимать под разумом способность проникать сквозь данную нам в ощущениях поверхность явлений и постигать за ней суть. Поэтому животное не обладает и понятием истины, хотя оно может иметь представление о том, что ему полезно.

Существование животного характеризуется гармонией между ним и природой. Это, естественно, не исключает того, что природные условия могут угрожать животному и принуждать его ожесточенно бороться за свое выживание. Здесь имеется в виду другое: животное от природы наделено способностями, помогающими ему выжить в условиях, которым оно противопоставлено, точно так же как семя растения «оснащено» природой для того, чтобы выжить, приспособившись к условиям почвы, климата и т. д. в ходе эволюции.

В определенной точке эволюции живых существ произошел единственный в своем роде поворот, который сравним только с появлением материи, зарождением жизни или появлением животных. Новый результат возник тогда, когда в ходе эволюционного процесса поступки в значительной степени перестали определяться инстинктами. Приспособление к природе утратило характер принуждения, действие больше не фиксировалось наследственными механизмами. В момент, когда животное трансцендировало природу, когда оно вышло за пределы предначертанной ему чисто пассивной роли тварного существа, оно стало (с биологической точки зрения) самым беспомощным из всех животных, родился человек. В данной точке эволюции животное, благодаря своему вертикальному

положению, эмансипировалось от природы, его мозг значительно увеличился в объеме по сравнению с другими самыми высокоорганизованными видами. Рождение человека могло длиться сотни тысяч лет, однако в конечном результате оно привело к возникновению нового вида, который трансцендировал природу. Тем самым жизнь стала, осознавать саму себя.

Осознание самого себя, разум и сила воображения, разрушили «гармонию», характеризующую существование животного. С их появлением человек становится аномалией, причудой универсума [Вселенной]. Он часть природы, он подчинен ее физическим законам, которые не может изменить, и тем не менее он трансцендирует остальную природу. Он стоит вне природы и тем не менее является ее частью. Он безроден и тем не менее крепко связан с родом, общим для него и всех других тварей. Он заброшен в мир в случайной точке и в случайное время и так же случайно должен его снова покинуть. Но, поскольку человек осознает себя, он понимает свое бессилие и границы своего существования. Он предвидит собственный конец – смерть. Человек никогда не свободен от дихотомии [двойственности] своего существования: он уже не может освободиться от своего духа, даже если бы он этого хотел, и не может освободиться от своего тела, пока он живет, а его тело будит в нем желание жить.

Разум, благословение человека, одновременно является и его проклятием. Разум принуждает его постоянно заниматься поисками разрешения неразрешимой дихотомии. Жизнь человека отличается в этом плане от жизни всех остальных организмов: он находится в состоянии постоянной и неизбежной неуравновешенности. Жизнь не может быть «прожита» путем простого повторения модели своего вида. Человек должен жить сам. Человек единственное живое существо, которое может скучать, которое может чувствовать себя изгнанным из рая. Человек – единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен разрешить и от которой он не может избавиться. Он не может вернуться к дочеловеческому состоянию гармонии с природой. Он должен развивать свой разум, пока не станет господином над природой и самим собой.

Но с онтогенетической и филогенетической точек зрения рождение человека – в значительной мере явление негативное. У человека нет инстинктивной приспособленности к природе, у него нет физической силы; в момент своего рождения человек самый беспомощный из всех живых созданий и нуждается в защите гораздо дольше, чем любое из них. Единство с природой было им утрачено, и в то же время он не был обеспечен средствами, которые позволили бы ему вести новую жизнь вне природы. Его разум в высшей степени рудиментарен. Человек не знает природных процессов и не обладает инструментами, которые смогли бы заменить ему утраченные инстинкты. Он живет в рамках небольших групп и не знает ни самого себя, ни других. Его ситуацию наглядно представляет библейский миф о рае. В саду Эдема человек живет в полной гармонии с природой, но не осознает самого себя. Свою историю он начинает с первого акта свободы – непослушания заповеди. Однако с этого момента человек начинает осознавать себя, свою обособленность, свое бессилие; он изгоняется из рая, и два ангела с огненными мечами препятствуют его возвращению.

Эволюция человека основывается на том, что он утратил свою первоначальную родину – природу. Он никогда уже не сможет туда вернуться, никогда не сможет стать животным. У него теперь только один путь; покинуть свою естественную родину и искать новую, которую он сам себе создаст, в которой он превратит окружающий мир в мир людей и сам станет действительно человеком.

Родившись и положив тем самым начало человеческой расе, человек должен был выйти из надежного и ограниченного состояния, определяемого инстинктами. Он попадает в положение неопределенности, неизвестности и открытости. Известность существует только в отношении прошлого, а в отношении будущего она существует лишь постольку, поскольку данное знание относится к смерти, которая в действительности является возвращением в прошлое, в неорганическое состояние материи. В соответствии с этим про-

блема человеческого существования – единственная своего рода проблема в природе. Человек «выпал» из природы и все же еще находится в ней. Он отчасти как бы бог, отчасти – животное, отчасти бесконечен и отчасти конечен. Необходимость искать новые решения противоречий его существования, все более высокие формы единения с природой, окружающими людьми, и самим собой выступает источником всех психических сил, которые побуждают человека к деятельности, а также источником всех его страстей, аффектов и страхов.

Животное довольно, когда удовлетворены его естественные потребности – голод, жажда, сексуальная потребность. В той степени, в какой человек является животным, эти потребности властны и над ним и должны быть удовлетворены. Но, поскольку он существо человеческое, удовлетворения этих инстинктивных потребностей недостаточно, чтобы сделать его счастливым. Их недостаточно даже для того, чтобы сделать его здоровым. «Архимедов» пункт специфически человеческой динамики находится в этой неповторимости человеческой ситуации. Понимание человеческой психики должно основываться на анализе тех потребностей человека, которые вытекают из условий его существования.

Итак, проблема, которую необходимо решать человечеству, как и каждому индивиду, – это проблема рождения. Что касается индивида, то его «телесное» рождение ни в каком случае не является столь решающим и неповторимым событием, как это может сначала показаться. Оно действительно означает важную перемену в смысле перехода от внутриутробной жизни к внеутробной. Однако во многих отношениях ребенок после рождения не отличается от ребенка до рождения. Он еще не может узнавать окружающие предметы, не может себя прокормить; он еще полностью зависит от матери и погибнет без ее помощи. В действительности же процесс рождения продолжается. Ребенок начинает распознавать вещи, аффективно реагировать на них, брать предметы, координировать свои движения и бегать. Но рождение и на этом не заканчивается. Ребенок учится говорить, пользоваться вещами и понимать их назначение. Он учится вступать в отношения с другими представителями рода человеческого, избегать наказания и завоевывать похвалу и расположение окружающих. Постепенно подрастающий человек учится любить, совершенствовать свой разум, объективно смотреть на мир. Он начинает развивать свои силы, осознавать себя как личность и ради целостной жизни учится противостоять соблазнам своих чувств. Таким образом, рождение человека в обычном смысле слова есть только начало рождения его в дальнейшем смысле. Вся жизнь индивида есть не что иное, как процесс саморождения. Фактически мы полностью рождаемся к моменту, когда умираем, но трагическая судьба большинства людей заключается в том, что они умирают еще до своего рождения.

После всего, что мы знаем об эволюции человеческой расы, рождение человечества следует понимать в том же смысле, что и рождение индивида. Когда человек переступил определенный порог минимального инстинктивного приспособления к природе, он перестал быть животным, но он был еще так же беспомощен и так же плохо приспособлен к жизни в качестве человека, как и отдельный ребенок в момент своего рождения. Рождение человечества начинается с появления первых представителей вида *Homo Sapiens*, а история человечества представляет собой общий процесс этого рождения. Человеку потребовались сотни тысяч лет для того, чтобы сделать первые шаги в человеческую жизнь, <...> прежде чем начали развиваться его совесть, его объективность, его любовь к ближнему. За последние четыре тысячи лет человеческой истории высказывались пророчества о будущем полностью родившегося и полностью проснувшегося человека. Они были разработаны великими учителями человечества в Египте, Китае, Индии, Палестине, Греции и Мексике в формах, не очень отличающихся друг от друга.

Тот факт, что рождение человека является чем-то негативным, а именно в том смысле, что человек был вырван из своего первоначального единства с природой, что он не может вернуться туда, откуда он вышел, имеет своим следствием трудный процесс рождения. Каждый шаг в новое человеческое бытие вызывает страх. Он всегда означает, что

нам необходимо оставить старое, надежное и относительно хорошо известное состояние ради нового, которым мы еще не овладели. Если бы ребенок в момент отделения от пуповины мог думать, его, несомненно, охватил бы смертельный страх. Судьба спасла нас от этого первого панического страха. Но при каждом новом шаге, при каждой новой стадии нашего рождения нас снова охватывает страх. Мы никогда не свободны от двух противоборствующих тенденций: с одной стороны, выбраться из лоно матери, из животной формы бытия в человеческую, из рабства на свободу, а с другой – возвратиться в лоно матери, в природу, в безопасное и известное состояние. В истории индивида и человеческой расы прогрессивная тенденция проявила себя как более сильная.

## Тема 7. Развитие идей когнитивной психологии в трудах Ж. Пиаже

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Суть метода исследования когнитивных процессов Ж. Пиаже, его достоинства и недостатки.
2. Наличие внутренних умственных структур, влияющих на процесс интеллектуального развития.
3. Интеллектуальное развитие как смена господствующих умственных структур. Краткая характеристика стадий развития интеллекта в учении Ж. Пиаже. Влияние внешней среды на процесс развития интеллекта.
4. Использование метода исследования когнитивных процессов Ж. Пиаже в клинической практике.

*Кианаред Э. Предисловие к французскому изданию книги  
Ж. Пиаже «Речь и мышление ребёнка» // Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. –  
М., 1994.*

(с. 396–399)

Стараясь объяснить поразительные факты детского мышления, ученые ссылались на «слабость», «бессилие» мозга ребенка. Но много ли это объясняет? Указывали также на недостаточность приобретенного опыта, на неприспособленность органов восприятия, на слишком скудный запас ассоциаций, на ошибки при подражании... Но, несмотря на свою правильность, эти утверждения оказывались бесплодными.

Общей ошибкой, на мой взгляд, было то, что мысль ребенка рассматривали, прилагая к ней мерку ума взрослого человека, и делали это больше с точки зрения логики, чем с точки зрения психологии. Такой подход, может быть, и хорош, но только для составления первой, так сказать, инвентарной описи фактов и явлений в этой области, но он уже дал все, что мог дать, и теперь приводит к тупику. Он позволил обнаружить спутанный клубок, однако он нас не учит тому, как его распутать.

Исследования Пиаже представляют ум ребенка в совершенно новом свете. Пиаже, к счастью, очень молод; он приобщился к психологии в эпоху, когда поверхностный ассоцианизм, который в большей или меньшей степени отравил его предшественников 30 или 40 лет назад, уже кончил агонизировать и когда наша наука уже вступила на путь, полный надежд. С Джемсом, Флурнуа и Дьюи появилась динамическая прагматическая тенденция; с Фрейдом – психоанализ; с Дюркгеймом (здесь не имеет значения, насколько доказаны выдвигаемые им положения) – признание роли социальной жизни в формировании индивидуума; с Холлом, Гроосом, Бине – генетическая психология, опирающаяся на биологическое представление о ребенке.

Заслуга Пиаже состоит в том, что он сумел ассимилировать эти новые теории (я хочу сказать, что он сумел извлечь из каждой из них питательный сок), он заставил их все служить выяснению природы детского понимания. Свет этого маяка рассеет много неясностей, которые смущают педологов.

Знаете ли вы задачу, состоящую в том, чтобы построить четыре равных треугольника из шести спичек? Сначала она кажется неразрешимой и действительно является таковой до тех пор, пока ее пытаются разрешить в пределах двух измерений. Но как только ее решение переносят в трехмерное пространство – трудность исчезает. Я надеюсь, что не изменяю концепции Пиаже, иллюстрируя этим примером, конечно, очень простым и грубым, то, что он внес в психологию ребенка.

До настоящего времени мы стояли в растерянности перед мыслью ребенка, как перед головоломкой, в которой недостает одних существенных частей, в то время как другие части взяты из иной игры и не могут найти здесь своего места. Пиаже выводит нас из затруднения, показывая нам, что детская мысль состоит не из одной головоломки, а по

меньшей мере из двух разных. Зная это, никто не будет больше стараться расположить в одной плоскости кусочки, которые требуют для своего размещения трехмерного пространства.

Наш автор показывает нам, что ум ребенка, так сказать, ткет одновременно на двух различных станках, расположенных как бы один за другим. Работа, производимая в нижней плоскости, в первые годы жизни гораздо важнее. Это дело самого ребенка, который беспорядочно привлекает к себе и кристаллизует вокруг своих потребностей все, что способно их удовлетворить. Это плоскость субъективности, желаний, игры, капризов, *Lustprinzip*, как сказал бы Фрейд. Верхняя плоскость, наоборот, воздвигается понемногу специальной средой, давление которой все более и более чувствуется ребенком. Это плоскость объективности, речи, логических понятий, – одним словом, реальность. Этот верхний план сначала очень хрупок. Как только его перегружают, он сгибается, трескается, обрушивается; элементы, из которых он состоит, падают на нижнюю поверхность, смешиваясь с элементами, принадлежащими к этой последней; некоторые кусочки остаются на полпути между небом и землей. Понятно, что наблюдатель, который не видел этих двух поверхностей и который думал, что игра велась на одной плоскости, получал впечатление крайней запутанности, ибо каждая из этих поверхностей имеет свою собственную логику и каждая вопиет, когда ее соединяют с логикой другой плоскости. Пиаже с доказательствами в руках убедил нас, что мысль ребенка является как бы посредником между аутистической и логической мыслями взрослого.

Пиаже открыл нам общую перспективу мышления ребенка, которая в высшей степени облегчает истолкование его поступков. Можно было бы определить еще и иначе (но все же очень схематично и кратко) новую концепцию, к которой нас приводит Пиаже, – концепцию, идущую вразрез с общепринятым мнением. В то время как из проблемы детского мышления делали проблему *количественного порядка*, Пиаже поставил ее как проблему *качественную*.

*<...>Метод, который привел Пиаже к таким плодотворным результатам, также очень оригинален. Автор окрестил его «клиническим методом». Это, по существу, метод наблюдения, который состоит в том, что ребенка заставляют высказываться и тщательно записывают, каким именно образом разворачивается его мысль. Новое здесь в том, что при этом не ограничиваются просто регистрацией ответа, который дает ребенок на поставленный ему вопрос, но дают ему возможность высказать все, что он хотел бы. «Следуя за ребенком в каждом его ответе, все время руководя им, поощряя его высказываться все более и более свободно, наблюдатель в конце концов получает в каждой сфере понимания ребенка клиническую картину: данный способ исследования аналогичен тому, который психиатры применяют как средство диагностики».*

Клинический метод, являющийся также и искусством – искусством спрашивать, не ограничивается, как сказано, простой констатацией: он стремится к тому, чтобы вскрыть то, что не лежит на поверхности явлений. Это как бы умственное выслушивание и выступивание. Это тщательный анализ малейших утверждений детей, я хотел бы сказать – мельчайших движений их мозга. Это исследование, которое не прекращается и в том случае, когда ребенок дает противоречивые или непонятные ответы; наоборот, метод все настойчивее устремляется за убегающей мыслью, обнаруживает ее, преследует, травит до тех пор, пока не окажется в состоянии ее схватить, вскрыть наглядно показать загадку ее построения.

Но для того чтобы получить эти плоды, надо, чтобы этот метод наблюдения был дополнен разумной проработкой документов, собранных при его помощи. И здесь во многом помогли особенности Пиаже как натуралиста. Читатель заметит, с каким старанием он расположил свои материалы: классифицировал типы разговоров, типы вопросов, типы объяснений... Такое распределение материала выдвинуло на первый план и представило чрезвычайно выпукло то, что раньше не замечалось.

<...> Это все потому, что Пиаже также биолог. Прежде чем заняться психологией, он создал себе имя в <...> области – зоологии моллюсков. В 1912 г. – ему было тогда лишь 15 лет – он начал публиковать свои труды, посвященные моллюскам Невшательской эры, позднее – фауне моллюсков Валэ, моллюсков Лемана. Темой его докторской диссертации в 1918 г. было «Распределение разновидностей моллюсков в Альпах области Валэ».

Тем не менее не следует думать, что эта охота за психологическими фактами, сменившая охоту за моллюсками, и труд, который Пиаже вкладывает в дело их классификации, обнаруживают у него какую-то манию «коллекционера». Нет. Здесь нет наблюдения ради острого удовольствия понаблюдать. Еще собирая ракушки на бесплодных склонах Валэ, он имел целью лишь открыть, не существует ли связи между формой животных и высотой над уровнем моря, которой они достигают, между изменением и приспособлением. Тем более Пиаже озабочен этим, когда он занимается психологией: собирать, отмечать, каталогизировать – все эти приемы имеют для него лишь то значение, что они помогают ему ясно разбираться в собранных материалах, облегчая их сравнение и разделение. У него совершенно особая способность заставлять эти материалы говорить, – вернее, способность слушать, что они говорят. Ибо в этом первом труде нашего автора просто поражает, насколько общие положения, высказываемые им, совершенно естественно вытекают из фактов, а не факты, наоборот, коекак втискиваются в заранее придуманные гипотезы.

Именно в таком смысле можно сказать, что исследования, которые вошли в настоящую книгу, являются трудом натуралиста. Это тем более замечательно, что Пиаже один из наиболее осведомленных в философских вопросах ученых; ему известен всякий самый темный уголок, всякая ловушка старой логики, логики учебников. Он целиком за новую логику, он в курсе самых тонких проблем теории познания, но превосходное знание этих различных областей не только не наталкивает его на рискованные рассуждения, а, наоборот, позволяет ему четко обозначить границу, отделяющую психологию от философии, и оставаться строго по ту сторону рокового рубежа.

Труд его чисто научный. Если Пиаже так глубоко вводит нас в понимание структуры детского, что можно спросить себя: не потому ли это происходит, что он начал с постановки вопросов функционального порядка? <...> Не потому ли, что Пиаже прежде всего спросил себя: «Почему ребенок говорит? Каковы функции речи?» – он напрямую шел к столь плодотворным наблюдениям и результатам?

## Тема 8. Развитие идей гуманистической психологии в работах В. Франкла

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Влияние основных фундаментальных положений гуманистической концепции на приёмы и методы терапевтического воздействия и изучение психических процессов.
2. Трактовка базисных основ человеческого поведения в логотерапии.
3. «Стремление к смыслу» как основа человеческой деятельности (с использованием дополнительного текстового материала).
4. Сходство и различие учения В. Франкла и Э. Фромма.
5. Уникальность и неповторимость человека как основа оценки психических явлений и терапевтического воздействия по В. Франклу.

**Франкл В. Человек в поисках смысла //**  
**Из истории мировой гуманистической мысли. – М., 1995.**

(с. 72–77)

Я считаю специфически человеческим проявлением не только ставить вопрос о смысле жизни, но и ставить под вопрос существование этого смысла. В частности, привилегией молодых людей является демонстрация своей взрослости прежде всего тем, что они ставят под сомнение смысл жизни, и этой привилегией они более чем активно пользуются.

Эйнштейн как-то заметил, что тот, кто ощущает свою жизнь лишённой смысла, не только несчастлив, но и вряд ли жизнеспособен. Действительно, стремление к смыслу обладает тем, что в американской психологии получило название «ценность для выживания». Не последний из уроков, которые мне удалось вынести из Освенцима и Дахау, состоял в том, что наибольшие шансы выжить даже в такой экстремальной ситуации имели, я бы сказал, те, кто был направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать. Позднее американские психиатры получили этому подтверждение на материале военнопленных, находившихся в японских, северокорейских и северовьетнамских лагерях. Не должно ли то, что является верным по отношению к отдельным людям, быть верно и по отношению к человечеству в целом? И не должны ли мы в рамках так называемых исследований проблем мира уделить внимание вопросу: не заключается ли единственный шанс человечества на выживание в общей для всех задаче, в одном общем стремлении к одному общему смыслу? <...>

Смысл нельзя дать, его нужно найти. <...> Смысл должен быть найден, но не может быть создан. Создать можно либо субъективный смысл, простое ощущение смысла, либо бессмыслицу. Тем самым понятно и то, что человек, который уже не в состоянии найти в своей жизни смысл, равно как и выдумать его, убегая от чувства утраты смысла, создает либо бессмыслицу, либо субъективный смысл. Если первое происходит на сцене (театр абсурда!), то последнее – в хмельных грезах... В этом случае, однако, это сопряжено с риском пройти в жизни мимо истинного смысла, истинного дела во внешнем мире (в противоположность сугубо субъективному ощущению смысла в себе самом). Это напоминает мне подопытных животных, которым калифорнийские исследователи вживляли электроды в гипоталамус. Когда электрическая цепь замыкалась, животные испытывали удовлетворение либо полового влечения, либо пищевой потребности. В конце концов они научились сами замыкать цепь и игнорировали теперь реального полового партнера и реальную пищу, которая им предлагалась.

Смысл не только должен, но и может быть найден и в поисках смысла человека направляет его совесть. Одним словом, совесть – это орган смысла. Ее можно определить как способность обнаружить тот единственный и уникальный смысл, который кроется в любой ситуации.

Совость принадлежит к числу специфически человеческих проявлений, и даже более чем специфически человеческих, ибо она является неотъемлемой составной частью условий человеческого существования, и работа ее подчинена основной отличительной характеристике человеческого существования – его конечности. Совость, однако, может и дезориентировать человека. Более того, до последнего мгновения, до последнего вдоха человек не знает, действительно ли он осуществил смысл своей жизни или лишь верит в то, что этот смысл осуществлен.

<...> Пусть даже совость держит человека в неизвестности относительно того, постиг ли он смысл своей жизни, такая «неизвестность» не освобождает его от «риска» повиноваться своей совости или, по крайней мере, прислушиваться к ее голосу.

С упомянутой «неизвестностью» связан, однако, не только этот «риск», но и смирение. То, что мы даже на нашем смертном одре не узнаем, не вела ли нас наша совость – орган смысла – по ложному пути, означает также и то, что одному человеку не дано знать был ли прав другой, поступая по своей совости. Истина может быть лишь одна, однако никто не может похвастаться знанием, что этой истиной обладает именно он, и никто другой. Смирение означает также терпимость, однако терпимость не тождественна безразличию; ведь чтобы уважать иные верования, отнюдь не требуется идентифицировать себя с ними.

Мы живем в век распространяющегося всё шире чувства смыслоутраты. В такой век воспитание должно быть направлено на то, чтобы не только передавать знания, но и оттачивать совость так, чтобы человеку хватило чуткости расслышать требование, содержащееся в каждой отдельной ситуации. В век, когда десять заповедей Христа, по-видимому, уже потеряли для многих свою силу, человек должен быть подготовлен к тому, чтобы воспринять 10 000 заповедей, заключенных в 10 000 ситуаций, с которыми его сталкивает жизнь. Тогда не только сама эта жизнь будет казаться ему осмысленной (а осмысленной значит заполненной делами), но и сам он приобретает иммунитет против конформизма и тоталитаризма этих двух следствий экзистенциального вакуума. Ведь только бодрствующая совость дает человеку способность сопротивляться, не поддаваться конформизму и не склоняться перед тоталитаризмом.

Так или иначе воспитание больше чем когда-либо становится воспитанием ответственности. А быть ответственным – значит быть селективным, быть избирательным. Мы живем в «обществе изобилия», средства массовой информации заливают нас потоками стимуляции, и мы живем в век противозачаточных средств. Если мы не хотим утонуть в этом потоке, погрузиться в тотальный промискуитет, то мы должны научиться различать, что существенно, а что нет, что имеет смысл, а что нет, за что отвечать, а за что нет.

Смысл это всякий раз также и конкретный смысл конкретной ситуации. Это всегда «требование момента», которое, однако, всегда адресовано конкретному человеку. И как неповторима каждая отдельная ситуация, так же уникален и каждый отдельный человек.

Каждый день и каждый час предлагают новый смысл, и каждого человека ожидает другой смысл. Смысл есть для каждого, и для каждого существует свой особый смысл. Из всего этого вытекает, что смысл, о котором идет речь, должен меняться как от ситуации к ситуации, так и от человека к человеку. Однако смысл вездесущ. Нет такой ситуации, в которой нам бы не была предоставлена жизнью возможность найти смысл, и нет такого человека, для которого жизнь не держала бы наготове какое-нибудь дело. Возможность осуществить смысл всегда уникальна, и человек, который может ее реализовать, всегда неповторим. <...>

Ни один психиатр и ни один психотерапевт, в том числе логотерапевт, не может указать больному, в чем заключается смысл. Он вправе, однако, утверждать, что жизнь имеет смысл и даже, более того, что она сохраняет этот смысл в любых условиях и при любых обстоятельствах благодаря возможности найти смысл даже в страдании. <...> Человек не только ищет смысл в силу своего стремления к смыслу, но и находит его, а именно тремя путями. Во-первых, он может усмотреть смысл в действии, в создании чего-либо. Помимо

этого, он видит смысл в том, чтобы переживать что-то, он видит смысл в том, чтобы кого-то любить. Но даже в безнадежной ситуации, перед которой он беспомощен, он при известных условиях способен видеть смысл. Дело в позиции и установке, с которой он встречает свою судьбу, которой он не в состоянии избежать или изменить. Лишь позиция и установка дают ему возможность продемонстрировать то, на что способен один лишь человек: превращение, преобразование страдания в достижение на человеческом уровне. Один студент-медик из Соединенных Штатов писал мне: «Недавно умер один из лучших моих друзей, потому что он не смог найти в жизни смысл. Сейчас я знаю, что, если бы он был жив, я смог бы, пожалуй, помочь ему средствами логотерапии. Его уже нет, но сама его смерть будет теперь всегда побуждать меня оказывать помощь всем тем, кто в ней нуждается. Я думаю, что не может быть более глубинного мотива. Несмотря на мое горе, вызванное смертью друга, несмотря на мое чувство вины в этой смерти, его существование – и его «уже несуществование» наполнено смыслом. Если мне когда-нибудь достанет силы работать врачом и эта ответственность будет мне по плечу, значит, он умер не напрасно. Больше всего на свете я хочу одного: не допустить, чтобы эта трагедия случилась еще раз – случилась с другим».

В жизни не существует ситуаций, которые были бы действительно лишены смысла. Это можно объяснить тем, что представляющиеся нам негативными стороны человеческого существования – в частности, трагическая триада, включающая в себя страдание, вину и смерть, – также могут быть преобразованы в нечто позитивное, в достижение, если подойти к ним с правильной позиции и с адекватной установкой.

И все же дело доходит до экзистенциального вакуума. И это – в сердце общества изобилия, которое ни одну из базовых... потребностей не оставляет неудовлетворенной. Это происходит именно оттого, что оно только удовлетворяет потребность, но не реализует стремление к смыслу. «Мне 22 года, – писал мне один американский студент, у меня есть ученая степень, у меня шикарный автомобиль, я полностью независим в финансовом отношении, и в отношении секса и личного престижа я располагаю большими возможностями, чем я в состоянии реализовать. Единственный вопрос, который я себе задаю, – это какой во всем этом смысл».

Общество изобилия порождает и изобилие свободного времени, которое хоть, но идее, и предоставляет возможность для осмысленной организации жизни, в действительности же лишь еще сильнее способствует проявлению экзистенциального вакуума. Мы, психиатры, имеем возможность наблюдать это на примере так называемых «воскресных неврозов». И этот избыток свободного времени, по всей видимости, увеличивается. <...> Если в 1952 году время в воскресенье тянулось слишком медленно для 26 процентов опрошенных, то сегодня уже для 37 процентов. Тем самым понятно и сказанное Джерри Манделем: «Техника избавила нас от того, чтобы мобилизовывать все наши способности на борьбу за существование. Мы создали государство всеобщего обеспечения, которое гарантирует каждому сохранение жизни без личных усилий с его стороны. Если однажды дойдет до того, что благодаря технике 15 процентов американских рабочих фактически смогут обслуживать потребности целой нации, перед нами встанут две проблемы; кто должен принадлежать к этим 15 процентам работающих и что будут делать остальные со своим свободным временем – и с потерей смысла их жизни? Может быть, логотерапия сможет сказать Америке следующего столетия больше, чем она уже дала Америке этого столетия». <...>

В век общества изобилия большинство людей имеют достаточно средств для жизни, однако многим людям совершенно неизвестно, ради чего им жить. Теперь же вполне возможным становится смещение акцентов от средств к жизни на жизненные цели, на смысл жизни. И в отличие от источников энергии этот смысл неисчерпаем, вездесущ.

## Тема 9. Мотивационная теория поля К. Левина

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Понятие поля. Психологическое поле как определённая ситуация разрядки потребности.
2. Связь процесса целеобразования и целенаправленного поведения с психологическим полем и потребностями личности в теории К. Левина.
3. Понятие валентности. Основные понятия поведения, связанные с достижением целей (уровень притязаний, оценка целей деятельности, иерархия целей и задач и т. д.).
4. Структурно-динамический подход К. Левина к оценке психических явлений (понятие «динамической теории личности»).
5. Ценность новых методик и методов исследования психических явлений, применённых К. Левином (опыты на прерванное действие, пресыщение и т. д.).

*Левин К. Топология и теория поля // История психологии. Тексты. – Екатеринбург: Деловая книга, 1999.*

(с. 231–239)

Для того чтобы понимать и предсказывать психологическое поведение (В), необходимо для каждого вида психического события (действия, эмоции, переживания и т. д.) определить ту кратковременную действующую целую ситуацию, которая представляет собой кратковременную структуру и состояние личности (Р) и психологического окружения (среды) –  $E \times V = P \times E$ .

Каждый психологический факт должен занимать определенное положение в этом поле, и только такие факты производят динамические эффекты (являются причинами событий). Среда со всеми ее свойствами (направление, расстояния и т. д.) должна определяться не физически, а *психобиологически*, т. е. в соответствии с ее квазифизической, квазисоциальной и квазидуховной структурой.

Динамическую структуру личности и среды можно представить с помощью математических понятий. Связь между математическим представлением и его психодинамическим значением должна быть точной.

Прежде всего необходимо описать силы психологического поля и виды их действий, не рассматривая вопроса о том, приобрел ли предмет в некотором частном случае свою валентность в предварительном опыте или каким-нибудь другим путем.

*Психологические районы, границы, силы поля, векторы, валентности и локомоции*

Первым предположением, которое следует сделать для понимания ребенка, является определение психологического положения, которое занимает рассматриваемый ребенок, и областей свободы его движений, т. е. областей, доступных ему, и областей, которые психологически существуют для ребенка, но не достижимы для него вследствие социальных характеристик ситуации (ограничений, накладываемых другими детьми, запрещения взрослых и т. п.) или вследствие ограничений его собственных социальных, физических и интеллектуальных возможностей и способностей. Независимо от того, является ли область свободы его движений большой или малой, она имеет решающее значение для целостного поведения ребенка.

Эти возможные и невозможные психодинамические движения (квазителесные, квазисоциальные, квазидуховные) можно охарактеризовать в каждой точке окружающей среды с помощью понятий *топологии*, которая является неколичественной дисциплиной о возможных видах связей между «пространствами» и их частями.

Сила определяется тремя свойствами: 1) направлением, 2) величиной, 3) точкой приложения. Первое и второе свойства представляются математическим понятием *вектора*. Точка приложения определяется на чертежах стрелкой (как это принято в физике).

Динамически сила точно коррелирует с психобиологическими локомоциями. Реальное передвижение должно происходить в каждом случае в соответствии с направлением и

величиной результирующей одновременно действующих сил, и в любом случае передвижения существует результирующая сила в направлении этого передвижения.

Направление, которое сообщает детскому поведению валентность, чрезвычайно варьирует в соответствии с содержанием его желаний и потребностей. Тем не менее можно различить две большие группы валентностей в соответствии с типом первоначального поведения, которое они вызывают: *положительные* валентности (+), вызывающие приближение к объекту, и *отрицательные* (-), которые ведут к уходу или отступлению.

*Действия* в направлении валентности могут иметь форму неконтролируемого импульсивного поведения или направленной волевой активности; они могут быть «соответствующими» или «несоответствующими».

Те процессы, которые обычно создают впечатление особенно направленных, динамически обычно характеризуются отношением к *положительной валентности*.

Нужно различать *движущие силы* (которые связаны с положительной или отрицательной валентностью) и *сдерживающие силы*, которые связаны с барьерами.

То, что валентность связана с субъективной оценкой направления и что ей должна быть приписана направленная сила, определяющая поведение, можно понять из факта, что изменение положения привлекательного объекта ведет к изменению направления движений ребенка.

Чрезвычайно простой пример действия в направлении положительной валентности иллюстрируется на рис. 33.

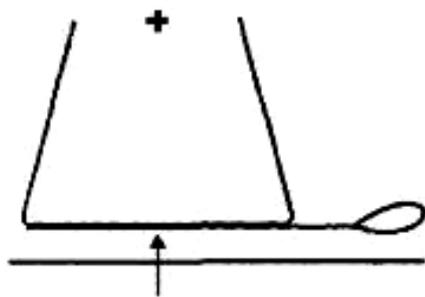


Рис. 33

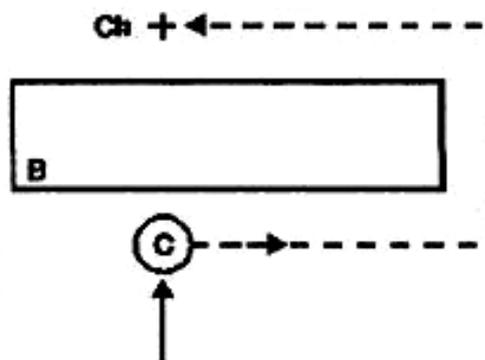


Рис: 34. Обозначения:  
С — ребенок, Ch — шоколад,  
В — скамья

Шестимесячный ребенок протягивает ручки, ножки и голову к погремушке или к ложке с кашей в соответствии с направлением вектора (V).

Направление сил поля играет важную роль в таком интеллектуальном поведении, которое должно иметь место при решении задач с обходным путем. Ребенок, вероятно, хочет получить кусочек шоколада, который находится по другую сторону скамьи (рис. 34). Трудность такой задачи заключается прежде всего не в *длине* обходного пути (D), а в том, что первоначальное направление соответствующего пути не согласуется с направлением вектора валентности. Обход является тем более трудным при прочих равных условиях, чем больше для ребенка создаваемая барьером необходимость проделывать обходной путь, начиная с направления, противоположного направлению валентности (рис. 35).

Аналогичной является ситуация, когда ребенок хочет снять кольцо с палки, которая стоит таким образом, что кольцо нельзя тащить прямо к себе, а сначала его нужно продвинуть вверх от себя. Те же самые факторы действуют и тогда, когда ребенок определенного возраста испытывает трудности при попытке сесть в кресло или на камень. Ребенок приближается к камню (S), обращаясь к нему лицом, для того же, чтобы сесть, он должен отвернуться, т. е. выполнить движение, противоположное направлению силы поля (рис. 36).



В упомянутых случаях направление сил поля определяется объектами, которые вследствие расстояния, воспринимаемого зрительно или на слух, имеют определенное место в среде. В отношении новорожденных детей о таких точно направленных силах поля можно говорить только постольку, поскольку психологическая среда имеет достаточные структурность и прочность.

Направленное действие в ответ на некоторые формы тактильных стимулов может наблюдаться очень рано. Прикосновение соски к щеке ребенка может вызвать поворот головы в соответствующем направлении.

## Тема 10. Русская психологическая мысль во второй половине XIX – начале XX в.

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Основные отличия идеалистической и материалистической точки зрения на психические явления в русской психологической мысли.
2. Идеалистические воззрения на природу психического в трудах К. Д. Кавелина. Спор И. М. Сеченова с идеализмом в оценке психических явлений.
3. Оценка психических явлений и их связи с физиологическими процессами в учении И. П. Павлова.
4. Анализ Г. И. Челпановым экспериментального материалистического метода изучения психических явлений.

*Хрестоматия по истории философии. От Нестора до Лосева. – М., 2001.*

(с. 575–580)

И. М. Сеченов  
КРИТИКА ИДЕАЛИЗМА

...Главным определителем умственной жизни является... у идеалистов – прирожденная человеку духовная организация... Научная несостоятельность этих взглядов в настоящее время очевидна... Первый их грех заключался в том, что, [...] они старались вывести всю психическую жизнь человека из деятельности одного только фактора – духовной организации человека, оставляя другой, т. е. воздействия извне, совсем в стороне [...] кто же решится теперь утверждать, что внешний мир не имеет существования помимо сознания человека и что неисчерпаемое богатство присущих ему деятельностей не служило, не служит и не будет служить материалом для той бесконечной цепи мыслительных актов, из которых создалась наука о внешнем мире? Другой грех идеалистов состоит в том, что они обособляют субъективные факторы, участвующие в психическом развитии, в особую категорию деятелей, отличных от всего земного.

### ПРИРОДА НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МЫШЛЕНИЯ

Вам, конечно, случалось, любезный читатель, присутствовать при спорах о сущности души и ее зависимости от тела. Войдемте же, любезный читатель, в тот мир явлений, который рождается из деятельности головного мозга. [...] Для нас, для физиологов, достаточно и того, что мозг есть орган души, т. е. такой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность.

Способностью органов чувств воспринимать внешние влияния в форме ощущений, анализировать последние во времени и пространстве, и сочетать их цельно или частями в разнообразные группы, исчерпывается запас средств, которые управляют психическим развитием человека.

Все без исключения психические акты... развиваются путем рефлекса. Стало быть, и все сознательные движения, вытекающие из этих актов, движения, называемые обыкновенно произвольными, суть в строгом смысле отраженные.

Что такое в самом деле акт размышления? Это есть ряд связанных между собою представлений, понятий, существующий в данное время в сознании и не выражающийся никакими вытекающими из этих психических актов внешними действиями. Психический же акт... не может явиться в сознании без внешнего чувственного возбуждения. Стало быть, и мысль подчиняется этому закону. А потому в мысли есть начало рефлекса, продолжение его, и только нет, по-видимому, конца – движения. Мысль есть первые две трети психического рефлекса.

## ПОЗНАВАЕМОСТЬ МИРА

Всем элементам предметной мысли, насколько она касается чувствуемых нами предметных связей и отношений в пространстве и времени, соответствует действительность. Предметный мир существовал и будет существовать, по отношению к каждому человеку, раньше его мысли; следовательно, первичным фактором в развитии последней всегда был и будет для нас внешний мир с его предметными связями и отношениями. Но это не значит, что мысль, заимствуя свои элементы из действительности, только отражает их, как зеркало; зеркальность есть лишь одно из драгоценных свойств памяти, уживающееся рядом с ее столь же, если не более, драгоценной способностью разлагать переменные чувствования на части и сочетать воедино факты, разделенные временем и пространством.

Когда говорят, следовательно, что мысль есть воспроизведение действительности, то есть действительно бывших впечатлений, то это справедливо не только с точки зрения развития мысли с детства, но и для всякой мысли, повторяющейся в этой форме хоть в миллион первый раз...

## ПСИХИКА И НРАВСТВЕННОСТЬ

Сливая себя с любимым образом, ребенок начинает любить все его свойства; а потом путем анализа любит, как говорится, только последние. Здесь вся моральная сторона человека... В основе нашего страстного поклонения добродетелям и отвращения от порока лежит не что иное, как чрезвычайно многочисленный ряд психических рефлексов, где страстность с яркой краски какой-нибудь вещи переходила на яркую мантию рыцаря на картине, отсюда переносилась на себя в рыцарском костюме, переходила потом с конкретного впечатления то к частному представлению, т. е. к свойству рыцаря, то к конкретному образу в новых формах и, покинувши, наконец, рыцарскую оболочку, перешла на подобные же свойства то в мужике, то в солдате, то в чиновнике, то в генерале. После этого читателю уже понятно, что рыцарем можно остаться и в зрелые годы. Страстности, конечно, много поубавится, но на место ее явится то, что называют обыкновенно глубоким убеждением. Эти-то люди, при благоприятной обстановке и развиваются в... благородные высокие типы... В своих действиях они руководятся только высокими нравственными мотивами, правдой, любовью к человеку, снисходительностью к его слабостям, и остаются верными своим убеждениям, наперекор требованиям всех естественных инстинктов, потому что голос этот бледен при яркости тех наслаждений, которые даются рыцарю правдой и любовью к человеку. Люди эти, раз сделавшись такими, не могут, конечно, перемениться: их деятельность – роковое последствие их развития. И в этой мысли страшно много утешительного, потому что без нее вера в прочность добродетели невозможна.

И. П. Павлов

## КРИТИКА ВИТАЛИЗМА И ТЕЛЕОЛОГИЗМА ПОЗНАВАЕМОСТЬ БИОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Что, собственно, есть в факте приспособления? Ничего, ...кроме точной связи элементов сложной системы между собой и всего их комплекса с окружающей обстановкой.

Но это ведь совершенно то же самое, что можно видеть в любом мертвом теле. Возьмем сложное химическое тело. Это тело может существовать как таковое лишь благодаря уравниванию отдельных атомов и групп их между собой и всего их комплекса с окружающими условиями...

К сожалению, мы не имеем до сих пор чисто научного термина для обозначения этого основного принципа организма, внутренней и внешней уравновешенности его. Употребляемые для этого слова: целесообразность и приспособление... продолжают в глазах многих носить на себе печать субъективизма, что порождает недоразумения двух противоположных родов. Чистые сторонники физикомеханического учения о жизни усматривают в этих словах противонаучную тенденцию отступление от чистого объективизма в сторону умозрения, теологии. С другой стороны, биологи с философским настроением

всякий факт относительно приспособления и целесообразности рассматривают как доказательство существования особой жизненной, или, как теперь все чаще раздается, духовной силы (витализм, очевидно, переходит в анимизм).

Только идя путем объективных исследований, мы постепенно дойдем до полного анализа того беспредельного приспособления во всем его объеме, которое составляет жизнь на земле...

Объективное исследование живого вещества... может и должно оставаться таковым и тогда, когда оно доходит до высших проявлений животного организма, так называемых психических явлений у высших животных.

Полученные объективные данные... наука и перенесет рано или поздно и на наш субъективный мир и тем сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека всего более, – его сознание, муки его сознания...

Не ясно ли, что современный витализм, анимизм тоже, смешивает различные точки зрения; натуралиста и философа. Первый все свои грандиозные успехи всегда основывал на изучении объективных фактов и их сопоставлениях, игнорируя по принципу вопрос о сущностях и конечных причинах; философ, олицетворяя в себе высочайшее человеческое стремление к синтезу, хотя бы в настоящее время и фантастическому, стремясь дать ответ на все, чем живет человек, должен сейчас уже создавать целое из объективного и субъективного. Для натуралиста все – в методе, в шансах добыть непоколебимую прочную истину, и с этой только, обязательной для него точки зрения душа как натуралистический принцип не только не нужна ему, а даже вредно давала бы себя знать на его работе, напрасно ограничивая смелость и глубину его анализа.

Я убежден, что приближается важный этап человеческой мысли, когда физиологическое и психологическое, объективное и субъективное действительно сольются, когда фактически разрешится или отпадет естественным путем мучительное противоречие или противопоставление моего сознания моему телу.

#### ДЕТЕРМИНИСТСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПСИХИКИ

Совершенно очевидно, что вся деятельность организма должна быть закономерна.

Теория рефлекторной деятельности опирается на три основных принципа точного научного исследования: во-первых, принцип детерминизма, т. е. толчка, повода, причины для всякого данного действия, эффекта; во-вторых, принцип анализа и синтеза, т. е. первичного разложения целого на части, единицы и затем снова постепенного сложения целого из единиц, элементов; и, наконец, принцип структурности, т. е. расположения действенной силы в пространстве, приурочение динамики к структуре...

Теория рефлекса постоянно теперь, как и с самого начала ее появления, непрерывно увеличивает число явлений в организме, связанных с определяющими их условиями, т. е. все более и более детерминирует целостную деятельность организма.

Постоянную связь внешнего агента с ответной на него деятельностью организма законно назвать безусловным рефлексом, а временную – условным рефлексом... временная нервная связь есть универсальнейшее физиологическое явление в животном мире и в нас самих. А вместе с тем оно же и психическое...

#### МЫШЛЕНИЕ И РЕЧЬ

В развивающемся животном мире на фазе человека произошла чрезвычайная прибавка к механизмам нервной деятельности. Для животного действительность сигнализируется почти исключительно только раздражениями и следами их в больших полушариях, непосредственно приходящими в специальные клетки зрительных, слуховых и других рецепторов организма... Это первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными. Но слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов.

...Сигналы сигналов... представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, специально человеческое, высшее мышление.

*Челпанов Г. И. Экспериментальный метод в психологии // Новые идеи в философии. Сб. 9. – СПб.: Образование, 1913.*

(с. 31–37)

В недавнее время эксперимент получил неожиданное применение в исследовании высших умственных процессов (суждения, умозаключения, мышления понятий, вообще процесса мышления), говорю «неожиданное», потому что раньше неоднократно высказывалось убеждение, что эксперимент может применяться только к элементарным психическим процессам. Экспериментальные приемы исследования высших умственных процессов вызвали возражение со стороны такого выдающегося психолога, как Вундт. Поэтому чрезвычайно важно определить, какое место в психологии занимают эти исследования, являются ли они, как эксперименты, заслуживающими внимания. Но в чем заключаются исследования высших умственных процессов? Поясню при помощи примера. Я желаю, например, изучить природу процесса, называемого суждением. Если бы я захотел исследовать этот процесс по прежнему способу, то я поступил бы так. Я представил бы какой-нибудь процесс суждения, как я его переживаю в своем сознании, затем другой, третий процессы, и на основании этого сделал бы вывод относительно природы суждения вообще. В настоящее время психологи находят, что для разрешения этого вопроса следует в лаборатории производить систематически опрос над другими лицами. Испытуемому субъекту предлагают вопрос, на который он дает ответ в форме суждения, высказанного или невысказанного, в форме «да» или «нет». Другими словами, субъект должен пережить то психическое состояние, которое называется сознанием суждения.

После того, как он составил суждение, ему предлагают описать, что было в его сознании, когда он составлял суждение или переживал то психическое состояние, которое называется созиданием суждения. Если я произведу такого рода эксперимент над одним, другим, третьим, четвертым и т. д. субъектами, у меня накопится материал, на основании которого я могу сделать выводы относительно природы суждения. Такого рода опыты впервые начали производиться в Вюрцбургской лаборатории профессора Кюльпе.

Независимо от Кюльпе, такого же рода экспериментальные исследования процесса мышления производил французский психолог Бине; он для этой цели воспользовался очень простым способом. Он задавал своим маленьким дочерям вопросы, на которые они должны были давать ответы, и просил сообщать, что у них есть в сознании, когда он думает о том или ином предмете. Для того чтобы получить представление о том, как он вел эти исследования, я приведу выдержку из его протоколов

(Binet. L'etude experimentale de l'intelligence. 1903, с. 84). Он дает одной дочери своей (Арманд) такую задачу: «Я говорю ей название Ф... Это – имя лица, очень хорошо знакомого, которое прослужило у нас в доме в течение шести или семи лет, и которое мы видим от времени до времени раз пять или шесть в год.

Арманд, после некоторых попыток представить себе Ф., оставляет попытку и говорит: «Это суть только мысли, я другого ничего себе не представляю. Я мыслю, что Ф. была здесь (когда она жила у нас в доме), и что она теперь в В., но я не имею никакого образа. Я думала, что я имею образ, но я такого образа не нашла». Бине произносит слово *tempete* (буря). Его девочка должна сказать, что она себе представляет, когда мыслит понятие, обозначаемое этим словом. Девочка по выполнении этой задачи говорит: «Я ничего себе не представляю. Так как это не есть предмет, то я себе ничего не представляю. На этот раз я сделала усилие, но я образа все-таки не имела». По поводу слова *favorit* (любимец) испытываемая сообщает: «Это мне ничего не говорить. Я совсем ничего не представ-

ляю. Я говорю себе, что это обозначает то одну, то другую вещь. Но в то время, как я ищу, никакой образ не появляется». Из этих исследований оказалось, что есть мысли без образов». <...>

Подобные эксперименты производились во многих лабораториях Европы и Америки. Нам следует выяснить, можно ли эти эксперименты считать научными, можно ли признать, что экспериментаторы стоят на правильном пути. Первый возразил против них Вундт. Он осуждает этот метод, называет его ненаучным. «Эти так называемые эксперименты, говорит Вундт (Wundt. Logik. В. III. Стр. 174), даже не суть эксперименты в том смысле, который выработан естествознанием и воспринят психологией. Этому последнему понятию в качестве самого существенного признака принадлежит целесообразное, сопровождаемое возможно благоприятным состоянием внимания созидание и изменение явлений. Если же кому-нибудь предлагают неожиданные вопросы один за другим и заставляют его обдумывать какие-либо проблемы, то это не есть ни целесообразное вмешательство, ни планомерное изменение условий, ни наблюдение при возможно благоприятном состоянии внимания. Закономерное изменение условий того или иного процесса совершенно отсутствует, – и условия наблюдения так неблагоприятны, как только возможно, потому что наблюдателю внушается, что он должен воспринять воздействие впечатлений очень сложных, при том в присутствии других, его наблюдающих лиц». Далее Вундт говорит: «Лицо, над которым производится эксперимент, находится в неблагоприятных условиях: оно должно в одну и ту же минуту переживать нечто и наблюдать переживаемое. При таких условиях внимание не может работать с достаточной интенсивностью: оно разделяется между переживаемым и тем, что надо воспринять».

<...>

Но самое веское возражение Вундта заключается в следующем. Эти эксперименты отличаются от психофизических тем, что в последних мы имеем дело с раздражением, которое мы можем изменять по нашему плану произвольно, можем видоизменять условия, при которых протекает психический процесс, а в этих экспериментах мы этого делать не можем. Ошибочность метода состоит, таким образом, в том, что мы не можем планомерно варьировать и повторять переживаемое, чтобы обеспечить достоверность высказываемого. Когда я задаю испытуемому какой-либо вопрос, то процесс в уме испытуемого находится вне моей власти. В психофизических экспериментах я до известной степени властвую над экспериментом, потому что, видоизменяя раздражение, я в то же время видоизменяю и самый психический процесс. В этих же экспериментах процесс протекает по своему; я жду, когда процесс закончится, и испытуемый субъект расскажет мне о нем. Этим, конечно, эксперименты над высшими умственными процессами решительно отличаются от обычных психофизических.

## Тема 10. Вклад в теорию деятельности А. Н. Леонтьева

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Изучение структуры деятельности А. Н. Леонтьевым. Краткая характеристика внешней и внутренней деятельности.
2. Процесс перехода от внутренней деятельности к внешней (экстериоризация) и наоборот (интериоризация). Основные элементы деятельности и их краткая характеристика (мотив, цель и т. д.).
3. Психика как процесс субъективного отражения объективного мира, порождаемая материальной практической действительностью, отражённой в предметной деятельности.
4. Краткая характеристика субъекта деятельности (индивид и личность) в теории А. Н. Леонтьева. Деятельность и система социальных отношений.

*Леонтьев А. Н. Деятельность и личность // Психология личности. Т. 2. – Самара, 2000.*

(с. 183–190)

<...> Имеются в виду именно *деятельности* субъекта, которые и являются исходными «единицами» психологического анализа личности, а не действия, не операции, не психофизиологические функции или блоки этих функций; последние характеризуют деятельность, а не непосредственно личность. На первый взгляд это положение кажется противоречащим эмпирическим представлениям о личности и, более того, обедняющим их. Тем не менее только оно открывает путь к пониманию личности в ее действительной психологической конкретности. Деятельность как основание личности главная задача состоит в том, чтобы выявить действительные образующие личность это высшее единство человека изменение, как изменчива сама его жизнь, и вместе с тем сохраняют свое постоянство, свою аутоидентичность. Ведь независимо от накапливаемого человеком опыта, от событий, которые изменяют его жизненное положение, наконец, независимо от происходящих физических его изменений он как *личность* остается и шах других людей и для самого себя тем же самым.

Таким образом, существует известное противоречие между видной изменчивостью человека и устойчивостью его как личности. Это и выдвинуло проблему «я» в качестве особой проблемы психологии личности. Она возникает потому, что включаемые в психологическую характеристику особенности личности, отражают явно изменчивое и «прерывное» в человеке, то есть чему как раз противостоит постоянство и непрерывность его личности. Что же образует это постоянство и непрерывность? Персонализм во всех своих вариантах, отвечая на этот вопрос, постулирует существование некоего особого начала, образующего ядро личности, которое обрастает многочисленными жизненными приобретениями, способными изменяться, существенно не затрагивая самого этого ядра.

<...> В основу другого подхода к личности кладется категория человеческой деятельности, анализ ее внутреннего возникновения, ее опосредствований и порождаемых ею форм психического отражения. Такой подход уже с самого начала позволяет предварительное решение вопроса о том, что образует <...> базис личности, что именно входит и что не входит в характеристику человека именно как *личности*. Решение это исходит из положения, что реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей еде отношений к миру, но отношений, которые *реализуются*.

Прежде всего на этом пути устраняется главная трудность: определение того, какие процессы к особенности человека относятся к числу психологически характеризующих его личность, а какие являются в этом смысле нейтральными. Дело в том, что взятые сами по себе, в абстракции от системы деятельности, они вообще ничего не говорят о своем отношении к личности. Едва ли, например, разумно рассматривать как «личностные» опера-

ции письма, способность чистописания. Но, вот перед нами образ героя повести Гоголя «Шинель» Акакия Акакиевича Башмачкина. Служил он в некоем департаменте чиновником для переписывания казенных бумаг, и виделся ему в этом занятии целый разнообразный и приятный мир. Окончив работу, Акакий Акакиевич тотчас шел домой. Наскоро пообедав, вынимал баночку с чернилами и принимался переписывать бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно копии для себя, для собственного удовольствия. «...Написавшись всласть, повествует Гоголь, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог пошлет переписывать завтра».

Как произошло, как случилось, что переписывание казенных бумаг заняло центральное место в его личности, стало смыслом его жизни? Мы не знаем конкретных обстоятельств, но так или иначе обстоятельства эти привели к тому, что произошел сдвиг главного мотива на обычно совершенно безличные операции, которые в силу этого превратились в самостоятельную деятельность: в этом качестве они и выступили как характеризующие личность.

<...> Иногда дело обстоит по-иному. В том, что с внешней стороны кажется действиями, имеющими для человека самоценное значение, психологический анализ открывает лишь средства для достижения целей, действительный мотив которых лежит как бы в совершенно иной плоскости жизни. В этом случае за видимостью одной деятельности скрывается другая. Именно она-то непосредственно и входит и в психологический облик личности, какой бы ни была осуществляющая ее совокупность конкретных действий. Последняя составляет как бы только оболочку этой другой деятельности, реализующей то или иное действительное отношение человека к миру, оболочку, которая зависит от объективных условий, иногда случайных. Вот почему, например, тот факт, что данный человек работает техником, сам по себе еще ничего не говорит о его личности; ее особенности могут обнаруживаться не в этом, а в тех отношениях, в которые он неизбежно вступает как в процессе своего труда, так и вне этого процесса.

<...> Общий вывод из сказанного состоит в том, что в исследовании личности нельзя ограничиваться выяснением предпосылок, а нужно исходить из развития деятельности, ее конкретных видов и форм и тех связей, в которые они вступают друг с другом, так как их развитие радикально меняет значение самих этих предпосылок. Таким образом, направление исследования должно идти не от приобретенных навыков, умений и знаний к характеризующим ими деятельности, а от содержания и связей деятельностей к тому, как и какие процессы их реализуют, делают и возможными.

#### *Формирование личности*

Ситуация развития человеческого индивида обнаруживает вой особенности уже на самых первых этапах. Главная из них это опосредованный характер связей ребенка с окружающим. <...>

Изначально прямые бесконечные связи ребенок – мать очень скоро опосредствуются предметами: мать кормит ребенка из чашки, надевает на него одежду и, занимая его, манипулирует игрушкой. Вместе с тем связи ребенка с вещами опосредствуются окружающими людьми: мать приближает ребенка к привлекающей его вещи, подносит ее к нему или отнимает ее у него. Словом, деятельность ребенка все более выступает как реализующие его связи с человеком, через вещи, а связи с вещами – через человека. Эта ситуация развития приводит к тому, что вещи открываются ребенку не только во всех физических свойствах, но и в том особом качестве, которые они приобретают в человеческой деятельности в своем функциональном значении (чашка из чего пьют, стул на чем сидят, часы – то, что носят на руке), а люди как «ПОВЕЛИТЕЛИ» этих вещей, от которых зависят его связи с ними.

Предметная деятельность ребенка приобретает орудийную структуру, а общение становится речевым, опосредствованным языком. В этой исходной ситуации развития ребенка и содержится зерно тех отношений, дальнейшее развертывание которых составляет цепь событий, ведущих к формированию его как личности.

Первоначально отношения к миру вещей и к окружающим людям слиты для ребенка между собой, но дальше происходит их раздвоение, и они образуют разные, хотя и взаимосвязанные линии развития, переходящие друг в друга.

<...> Действительную основу личности составляет то особое строение ЦЕЛОКУПНЫХ деятельности субъекта, которое возникает на определенном этапе развития его человеческих связей с миром. Человек живет как бы во все более расширяющейся для него действительности. Вначале это узкий круг, непосредственно окружающих его людей и предметов, взаимодействие с ними, чувственное их восприятие и усвоение их значения. Но далее перед ним начинает открываться действительность, лежащая далеко за пределами его практической деятельности и прямого общения: раздвигаются границы познаваемого, представляемого им мира. Истинное «поле», которое определяет теперь его действия, есть не просто наличное, но существующее объективно, или иногда только иллюзорно.

<...> Действия, все более обогащаясь, как бы перерастают тот круг деятельности, которые они реализуют и вступают в противоречие с породившими их МОТИВАМИ. Явления такого перерастания хорошо известны; они-то и образуют т. н. КРИЗИСЫ развития кризис 3 лет, 7 лет, подросткового периода и малоизученные кризисы зрелого возраста. В результате происходит сдвиг МОТИВОВ по ЦЕЛИ, изменение их иерархии и рождение НОВЫХ МОТИВОВ новых видов деятельности; прежние цели психологически дискредитируются, а отвечающие им действия или вовсе перестают существовать, или превращаются в безличные операции.

Внутренние движущие силы этого процесса лежат в исходной действительности связей субъекта с миром, в их двоякой опосредованности предметной деятельностью и общением. Ее развертывание порождает не только двойственность мотивации и действий, но благодаря этому также и соподчинение их, зависящие от открывающихся перед субъектом объективных отношений, в которые он вступает. Развитие и умножение этих особых по своей природе соподчинений, возникающих только в условиях жизни человека в обществе, занимает длительный период – этап стихийного, не направляемого самосознанием складывание личности. На этом этапе, продолжающемся вплоть до подросткового возраста, процесс формирования личности не заканчивается, он только подготавливает рождение сознающей себя личности.

## Тема 11. Вклад Л. С. Выготского в культурно-исторический и деятельностный подход

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. Становление в 60–70-х гг. XX в. теории развивающего обучения как психолого-педагогического метода работы с учащимися.
2. Попытка исследования процесса развития ребёнка с позиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского в трудах Д. Б. Эльконина.
3. Исследование П. Я. Гальпериным интеллектуальной основы действия (ориентировочной основы действия – ООД) для оптимизации процесса обучения и развития ребёнка.
4. Особенности развития основных познавательных процессов у детей (память, внимание, мышление) в результате осуществления развивающего обучения. Работы Л. И. Божович по исследованию процесса детского развития.
5. Процесс воспитания и личностного развития во время развивающего обучения.
6. Основные достоинства и недостатки теории развивающего обучения относительно становления важнейших психических процессов и личности ребёнка.

***Выготский Л. С. Развитие личности и мировоззрения ребёнка (отрывок) // Психология личности. 2 т. – Самара, 2000.***

(с. 160–164)

Попытка синтетического охвата культурного развития должно исходить из двух положений. Первое заключается в том, что по своему содержанию этот процесс может быть охарактеризован как *развитие личности и мировоззрения ребенка*. Оба этих понятия являются недостаточно определенными и точными научными терминами.

Личность в этом понимании имеет узкий смысл. К этому понятию не причисляются все признаки индивидуальности, отличающих ее от ряда других индивидуальностей, составляющих ее своеобразие или относящих ее к какому-то определенному типу. Между личностью ребенка и ее культурным развитием мы ставим знак равенства. Личность, таким образом, есть понятие социальное, оно охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не рождена, но возникает в результате культурного развития, поэтому личность есть понятие историческое.

<...> Личность развивается как целое. Только тогда когда личность овладевает той или иной формой поведения, только тогда она поднимает ее на высшую ступень.

Сущность культурного развития, как мы видели, заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для этого овладения является образование личности, и поэтому развитие той или иной функции является всегда производным и обусловленным развитием личности в целом.

Приобретение речью социальных функций (обращение внимания) и выход ее за пределы естественной органологии через употребление орудий вот два важнейших момента, подготовляющих в первые годы жизни важнейшие изменения, которые лягут в основу всего дальнейшего культурного развития. Вся эта пора в жизни ребенка является переходом от натуральной к культурной жизни. Каждое действие ребенка в эту пору носит еще смешанный животное-человеческий, природно-исторический, примитивно-культурный или органически-личный характер. Эта стадия условно определяется как магическая. (Это первый год жизни ребенка). Ребенок еще не различает тех изменений, которые происходят вследствие его собственных реакций, и тех, которые производятся независимо от него. У новорожденного отсутствует самое примитивное Я, т. е. личность и мировоззрение, отношение к другим. То и другое для него, следовательно, нераздельно. Это доказательство того, что у ребенка действительно еще не произошло завязывание личности и она еще совершенно слита с его мировоззрением, проявляющимся в его действиях.

<...> Овладение речью приводит к перестройке всех особенностей детского мышления, памяти и других функций. Речь становится универсальным средством для воздействия на мир.

Решающим моментом в смысле развития личности ребенка в этом периоде являются осознание им своего Я. Как известно ребенок первоначально называет себя собственным именем, он с некоторым трудом переходит к тому, чтобы усвоить личное местоимение.

Понятие о Я развивается у ребенка из понятия о других. Понятие о личности есть т. о. социальное, отраженное понятие, строящееся на основе того, что ребенок применяет по отношению к самому себе те приемы, приспособления, которые он применял по отношению к другим. Вот почему можно сказать, что ЛИЧНОСТЬ есть социальное в нас. Личное имя ребенка выделяется часто в ответ на вопрос, когда у многих детей спрашивают: «Кто хочет этого, у кого это есть?». Здесь личное местоимение, как и собственное имя ребенка, является указательным жестом на самого себя.

<...> Следующей типической стадией в развитии детского мировоззрения является возраст игры как особой формы поведения ребенка. На стадии игры еще неустойчиво локализует свою личность и локализует свое мировоззрение. Он также легко может быть другим, как и самим собой, так же, как и каждая вещь может принять любой облик, но что примечательно это то, что при общей лабильности, неустойчивости детского Я и окружающих его вещей, внутри каждой игры ребенок уже не магически, а разумно расчленяет обращение с вещами и обращение с людьми. Примечательно и то, что ребенок на этой стадии развития уже не путает деятельность игры и деятельность серьезную. То и другое выделено у него, как бы особую сферу, и ребенок легко и с сознанием дела переходит из одной сферы в другую, никогда не путал их. Это значит, что он уже владеет одной и другой.

Только в школьном возрасте появляется у ребенка более устойчивая форма личности и мировоззрения. По Пиаже, ребенок школьного возраста, является и гораздо более социализированным и индивидуализированным существом. Только с нарастанием, углублением и дифференцированием социального опыта растет, оформляется и вызревает личность ребенка.

Важнейшей основой этого изменения является формирование внутренней речи. Только с годами, только постепенно ребенок научается овладевать ходом своих мыслей, как раньше овладевал ходом своих действий, начинает их регулировать, отбирать, и это регулирование мыслительных процессов есть в такой же степени волевой акт, акт выбора, как и моральное действие.

Только к 12 годам, т. е. окончанию первого школьного возраста, ребенок преодолевает вполне эгоцентрическую логику и переходит к овладению своими мыслительными процессами.

Возраст, следующий за этим, возраст полового созревания, недаром обозначили как возраст, когда совершаются две крупнейшие перемены в жизни подростка. Это возраст открытия своего Я, оформления личности, с одной стороны, и возраст оформления мировоззрения, отношения к миру – с другой.

В каких бы сложных отношениях эти два момента не стояли к основной перемене, совершающейся в этом возрасте, т. е. к процессам полового созревания, несомненно, что в области культурного развития ребенка они означают центральные моменты, наиболее важные по значению из всего того, что характеризует этот возраст. И не случайно этот возраст Шпрангер назвал возрастом вхождения в культуру.

Когда говорят, что в этот период подросток открывает свой внутренний мир и впервые открывает все его возможности, устанавливая его относительную независимость от внешней деятельности, то с точки зрения того, что нам известно о мышлении, о культурном развитии ребенка, это может быть обозначено как овладение этим внутренним миром. Недаром внешним признаком этого события является возникновение жизненного плана как известной системы приспособления, которая впервые осознается ребенком в этом возрасте. Этот возраст как бы увенчивает и завершает весь процесс культурного развития ребенка.

## Тема 12. Основные тенденции в развитии отечественной психологии

*Вопросы для анализа текстового материала:*

1. В чем специфические особенности естественно-научной и идеалистической парадигмы развития отечественной психологии?
2. Предпосылки и причины кризиса отечественной психологии.
3. Марксистские и материалистические тенденции в современной отечественной психологии.
4. Основные тенденции в развитии современной отечественной психологии на рубеже XX–XXI веков.

***Стахнева Л. А. К вопросу о тенденциях развития современной отечественной психологии // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 32. – С. 291–296.***

Анализ методологического состояния отечественной психологии конца XX начала XXI столетия позволяет констатировать, что современная психология переживает острый и глубоко противоречивый этап своего развития. Идеологический и социально-экономический кризис советского общества конца XX столетия коснулся и сферы науки. В связи с изменением социокультурной среды, в которой сформировалась научная теория, критическому анализу подвергается общепринятая исследовательская парадигма.

Понятие «парадигма» ввел в науковедение Т. Кун. Он определяет парадигму через научное сообщество, а научное сообщество через парадигму. Парадигма представляет общепринятые нормы научной деятельности, общепризнанные образцы, научные традиции, набор предписаний для научной группы. Парадигмы приобретают свой статус потому, что их использование приводит к успеху продуктивности в решении поставленных проблем.

В гуманитарных науках выделяют две парадигмы: естественно-научную и гуманитарную. Истоки становления естественно-научной парадигмы относятся к XVII столетию периоду становления науки как сферы человеческой деятельности. Открытия в области естествознания способствовали разработке идеала научности, основу которого составляет объективность исследования получение достоверных, надежных, однозначно понимаемых данных. Ориентация на естественно-научную парадигму, философские традиции объективизма, рационализма и механицизма связана с построением психологии как объективной науки о психической жизни человека.

В течение длительного периода отечественная психология развивалась в рамках естественно-научной парадигмы. Классическая естественно-научная парадигма берет в качестве образца науки о природе. Целью является изучение объективных законов природы. В качестве объекта исследования выступают реалии, которые представляют собой систему наблюдаемых явлений. Основным постулатом является идея о том, что между событиями в мире существуют только причинно-следственные детерминированные связи. Важнейшим критерием объективности получаемого знания является его воспроизводимость. Исследователь должен быть беспристрастным.

Методологический кризис отечественной психологии конца XX – начала XXI столетия связан с переоценкой идеалов научности, кризисом рационалистической методологии. По определению А. В. Юревича, отечественная психология переживает когнитивный кризис, связанный с представлением о том, как следует изучать и объяснять психологическую реальность [14]. Проблема объяснения рассматривается в контекстах эвристических возможностей естественно-научного и гуманитарного мышления [6; 8; 15].

В качестве критериев кризисного состояния современной психологии выделяют отсутствие единой общепсихологической теории, обилие альтернативных моделей понимания и изучения психического, раскол между исследовательской и практической психоло-

гией, конкуренцию со стороны паранауки, возникновение пограничных (между наукой и ненаукой) систем знания. Е. Д. Хомская отмечает, что в связи с кризисом наметились новые тенденции в психологии: к прагматизму, пренебрежению академической наукой в разных ее ипостасях, оживлению интереса ко всяким чудесам, мистике [13]. Кризис рационалистической психологии проявился в полной легализации парапсихологии, в появлении откровенно мистических школ и направлений. В области психологии личности возникают волны ее модернизации: антропологизация, «гуманизация» и «этизация», прагматическая философская «вестернизация» [1].

Одним из аспектов современного состояния кризиса является переосмысление возможностей марксистской теории познания, деятельностной парадигмы. Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов пишут: «Связанная именно с методологией марксизма, деятельностная концепция повторяет во многом путь естественно-научно ориентированной психологии ее стремятся отбросить или заменить герменевтической психологией» [7, с. 140].

Ряд психологов акцентируют внимание на позитивных моментах последствий методологического кризиса, считают, что современная отечественная психология переживает этап методологического обновления, поскольку наметились новые перспективные линии в разработке проблемы человека: гуманитарная, нравственная, христианская психология [2]. По определению М. С. Гусельцевой, «методологический хаос психологии не беда, а благо, поскольку способствует расширению исследовательского сознания благодаря духу постмодернизма» [4].

Итак, недостаточная разработанность теоретико-методологических основ психологии, несоответствие существующих подходов потребностям развития науки и практики явились причинами кризиса отечественной психологии конца XX – начала XXI столетия.

Методологический кризис отечественной психологии конца XX – начала XXI столетия способствовал критическому пересмотру методологических основ советской психологии. Критика марксизма, предпринятая в 90-е годы XX столетия, касается главного тезиса советской психологии положения о том, что марксизм является единственной теоретической основой психологии. Критике подвергается естественно-научная парадигма. В. И. Слободчиков и Е. Ф. Исаев полагают, что объективный подход к человеку с позиций естествознания не может полноценно изучать человеческую субъективность как таковую, не способен постичь индивидуальность личности, ее духовную сущность. Более того, научное знание в принципе не дает целостного представления о человеке [10].

Следует отметить, что стремление к объективности научно-психологических построений привело в массовой практике к фактическому обезличиванию, депсихологизации реального человека в его конкретной, живой деятельности. Проявлением сциентизма в советской психологии стал объективно ориентированный подход, при котором общий акцент делается на изучении человека как объекта общественного развития, а генезис поведения активности связывается главным образом с внешними, социальными факторами. Из предмета психологического исследования оказались исключенными собственные закономерности и специфические детерминанты развития сознания, его спонтанности, его способности к саморазвитию, самодетерминации, саморегуляции. На эту особенность обращает внимание Б. А. Сосновский. Он отмечает, что при безусловном наличии в отечественной психологии серьезных достижений в области исследования личности и деятельности субъективные и субъектные аспекты психики остаются в рамках материалистического подхода малоизученными [11].

Следует отметить, что уже в конце XIX столетия В. Дильтей критикует естественно-научную парадигму как единственно подлинную форму научного знания, поскольку считает неправомерным распространение естественно-научных понятий на область душевной жизни. Противопоставление понимания и объяснения центральный методологический принцип описательной психологии.

Интерес к гуманитарной парадигме в отечественной науке, в частности к гуманистической психологии, обусловлен радикальными изменениями в системе социально-

экономических отношений конца XX столетия. В условиях переходного периода прежняя психологическая теория не срабатывает, поскольку строение, функции и развитие психики почти всегда рассматриваются ею вне связи с развитием той реальной ситуации, тех конкретных условий, в которых живет и действует данный индивид. Сегодня российская практическая психология в отрыве от теоретического знания заимствует и адаптирует разработанные за рубежом методы и техники психологического воздействия. Одновременно расширяющаяся психологическая практика выявляет ограниченность «здорового смысла», который не позволяет оценивать и прогнозировать социальные и психологические последствия принимаемых решений. В общественном сознании должна сформироваться совершенно новая концепция отношения к человеку концепция управления человеческими ресурсами [5].

Теоретико-практическая направленность гуманистической психологии связана с разработкой нового социально ориентированного психологического знания, направленного прежде всего на решение практических задач, консультирование, организацию общения, выявление потенциалов личности, оказание психологической помощи здоровому человеку. А. Маслоу по этому поводу пишет, что гуманистическая психология создала новую концепцию обучения, преподавания, воспитания. В этой концепции утверждается, что функция и цель образования и воспитания это в конечном счете «самоактуализация» личности, достижение полной человечности, овладение наибольшей высотой, доступной для человеческого рода и для данного индивида; помочь человеку стать настолько хорошим, насколько он способен [9].

Гуманитарная парадигма в психологии задает иной подход к пониманию феноменологии исследуемых явлений: мир многомерен, многогранен, гетерогенен; между событиями в мире существуют не только причинно-следственные детерминированные связи. Основной подход к психологии человека с позиций гуманитарной парадигмы это не объяснение ее в терминах причинных зависимостей, а понимание ее целостности с последующим анализом и расчленением по законам самого этого целого. Неотъемлемым моментом понимания является личный опыт исследователя, его нравственные, мировоззренческие установки, ценностные ориентации, его отношение к познаваемому.

Гуманитарная парадигма ориентируется не на образы наук о природе, а на рациональность. Обращена к духовному миру человека, к его личностным ценностям и смыслам жизни. Рассматривает человека как существо самоценное и считает, что источник развития помещен в самом субъекте, его внутреннем росте. Поэтому предметом изучения в психологии становится целостный человек в его высших проявлениях трансценденции, самоактуализации, нравственном развитии.

Методический аппарат гуманитарной парадигмы может быть охарактеризован как синтетический (понимание, включающее объяснение, либо объяснение, но обязательно сочетающееся с пониманием). Методы гуманитарной парадигмы дают возможность глубже понять внутренний мир человека.

Сравнительная характеристика естественно-научной и гуманитарной парадигм представлена в таблице.

Гуманитарная парадигма определила методологию гуманистической психологии, которая представляет философию науки, объединяющую методы естествознания и феноменологии и признающую приоритетность человеческой субъективности. Философской основой данного направления стал экзистенциализм (С. Кьеркегор, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр), а также холистический подход, основанный на результатах психофизиологических исследований (К. Гольдштейн, А. Ангъял).

Таблица – Сравнительная характеристика естественно-научной и гуманитарной парадигм

<b>Парадигма</b>	<b>Классическая (естественно-научная)</b>	<b>Неклассическая (гуманитарная)</b>
Цель научного познания	Объяснение в терминах причинной зависимости	Понимание
Образец	Наука о природе	Наука о духе
Методология	Позитивистские стандарты	Идеографический подход
Методы	Методы естествознания: наблюдение, эксперимент	Методы естествознания и феноменология; нарратив, эмпатическое слушание, идентификация, беседа как диалог, интерпретация внутреннего мира другого, интуиция, герменевтика
Подход к изучению человека	Социальная сторона личности; человек – категория натуралистически-биологическая	Рассмотрение человека в новой плоскости: субъектное, духовное начало. Духовный мир человека, его личностные ценности, смысл жизни
Критерии научности	Объективность исследования; систематизированность, доказательность, фальсифицируемость	Роль субъективного фактора в познавательном процессе. Такие субъективные факторы, как интересы, потребности, цели, входят в стандарты оценки научности гуманитарного знания
Позиция исследователя	Дистанционная, «незаинтересованный зритель»	Включенная, ангажированная, «понимающий свидетель»

Представители гуманистической психологии (Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, Ш. Бюлер, Р. Мэй, В. Франкл и др.) считают, что человеческая субъективность не имеет аналогов в животном мире. Поэтому в познании онтологических характеристик человеческого существования необходимо использовать как экспериментальные, так и экспериментальные методы познания: феноменологические, экзистенциальные методы, позволяющие изучать уникальные онтологические характеристики человека. Психологи-гуманисты полагают, что понятийное знание, отделенное от экспериментального, опасно и ложно. Оно должно быть иерархически интегрировано в контекстуальный строй экспериментального знания. В отличие от естественно-научного подхода, ориентированного на доказуемость, объяснение, эксперимент, гуманитарное знание представляет единство истины и ценности, факта и смысла, сущего и должного. Объяснению в естествознании гуманитарная психология противопоставляет понимание. Понимание есть и процесс, и результат познания.

Новый взгляд на природу психики человека, потенциалы ее развития нашел отражение в основных принципах гуманистической психологии: подчеркивании роли сознательного опыта; убеждении в целостном характере природы человека; акценте на свободе воли, спонтанности и творческой силе индивида, изучении всех факторов и обстоятельств жизни человека.

Уменьшение идеологического давления и контроля в науке, распространение демократических ориентаций в обществе постсоветского периода – все это способствовало укоренению гуманитарной парадигмы в отечественной психологии. Гуманистические тенденции в отечественной психологии конца XX – начала XXI столетия нашли отражение в разработке новых методологических подходов к изучению природы человека, психологии личности, детерминации его развития.

К настоящему времени в компонентах категорий качественного анализа феномена человека появились дополнительные характеристики: понятие «человечность» рассматривается как система ценностей и источник новых ценностей, «целостность» человека – как критерий зрелости личности, «субъектогенез» – как становление способности самодетерминации, механизма саморазвития. Новая плоскость рассмотрения человека связана с введением таких понятий, как «универсальность», «универсум», «субъект».

Одной из особенностей развития отечественной психологии на рубеже веков является отход от традиционной причинной психологии, поскольку она утратила «духовное человеческое в человеке». Разработка в конце XX столетия нового направления духовной психологии (Б. С. Братусь, В. П. Зинченко, Ф. Е. Василюк и др.) представляет особую форму знания о становлении субъективного духа человека в пределах его индивидуальной жизни. Представители данного направления считают, что узкопсихологический взгляд на человека является ограниченным, поскольку внутренний мир человека рассматривается как набор индивидуально своеобразных свойств и качеств личности. Изучение же форм духовного бытия позволяет выявить и саму природу, и жизненный статус психического. На рубеже веков данное направление приобрело особую актуальность в связи с поиском путей духовного возрождения России. Отметим, что истоки изучения духовной жизни человека восходят к религиозно-философскому направлению отечественной психологии конца XIX начала XX столетия, представленного разнообразием богословских и религиозно-философских концепций и теорий (Никанор, Антоний, А. И. Введенский, Н. Лосский, С. Ф. Франк, Л. М. Лопатин, С. Н. Трубецкой и др.). В советский период большинство из этих концепций было предано забвению.

Одной из особенностей современной психологии является тенденция к построению интегративного подхода к постижению человека, детерминации его развития. Историко-эволюционный подход, разрабатываемый А. Г. Асмоловым [1], связан с рассмотрением личности как историко-культурного феномена, что позволяет выделить универсальные закономерности развития человека в биогенезе, социогенезе, онтогенезе, персоногенезе. Ключ к пониманию природы человека лежит не в нем самом как некотором телесном объекте, а в тех различных системах, в которых осуществляется его жизнь. В историко-эволюционном подходе задана новая схема детерминации развития личности, раскрывающая взаимоотношения между природой, обществом и личностью. В схеме системной детерминации развития личности индивидуальные свойства человека выступают как предпосылка развития личности. Социальная среда (социально-исторический образ жизни) источник развития личности, целенаправленная деятельность как основание и движущая сила развития личности, посредством которой осуществляется преобразование природы, культуры и человека.

А. Г. Асмолов рассматривает историко-эволюционный подход как модель конструктивной, действенной психологии, как необходимое условие выхода из создавшегося кризиса.

Гуманистические тенденции в отечественной психологии на рубеже веков связаны с разработкой субъектного подхода (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, Л. И. Анцыферова и др.), который основывается на фундаментальных позициях деятельностного подхода школы С. Л. Рубинштейна и гуманитарной парадигмы. Гуманистическая направленность субъектного подхода в том, что он требует обратить внимание на самого человека, его сущностные силы, на его целостность; на индивидуальный смысл жизни, на самореализацию человеком своих сил и способностей. Одной из проблем, исследуемых в данном направлении, является проблема субъектности человека, проблема возможностей человека управлять логикой своей судьбы, возможностей взаимодействия с силами внешнего мира.

Согласно А. В. Брушлинскому [3], категория субъекта задает новый подход в понимании предмета психологии. Предметом становится субъект в непрерывном функционировании и развитии его психики. Перемещение акцента на субъект позволяет сместить ис-

следования с отдельных психических явлений на более высокий уровень целостное изучение человека, целостных ситуаций человеческого бытия. Введение категории субъекта способствовало рассмотрению человека в новой плоскости: в единстве его природного, социального и духовного начал. Вершинными проявлениями психологии субъекта являются духовность, нравственность, свобода, гуманизм.

Обращение к понятию «субъект» позволило по новому подойти к пониманию детерминации развития. В субъектном подходе, в отличие от деятельностного, отмечается активная роль внутренних условий психического развития. Специфичность детерминации субъекта в том, что психические явления выступают и как обусловленные условиями жизни людей, и как обуславливающие их поведение и деятельность. Детерминация осуществляется через сложные виды активности: мышление, совесть, свободу, творчество и т. д.

Анализ работ авторов субъектного подхода показал, что в настоящее время большинство вопросов, связанных с проблемой детерминации развития личности и разработанных в русле знакового и деятельностного подходов школы А. Н. Леонтьева, являются дискуссионными. К их числу относятся: понимание детерминации, в частности роли пренатального периода в возникновении психики у человеческого младенца; раскрытие специфичности детерминации субъекта, активной роли внутренних условий; трактовка понятия социальности, опосредованности, зоны ближайшего развития и т. д.

Разработка субъектного подхода на рубеже третьего тысячелетия связана с обращением психологии к философско-этическим проблемам, изучению нравственно-ценностных аспектов поведения, мышления, мотивации. Последнее нашло отражение в новой проблематике, экзистенциальной направленности психологических исследований: жизнь и смерть человека, свобода и детерминизм, выбор и ответственность, общение и одиночество, смысл существования. Проблематика исследований, выполненных в рамках субъектного подхода, связана с мотивационно-смысловой сферой человека: психологией человеческого бытия, сознания и самосознания, социального мышления, понимания. Предметом исследования психологии человеческого бытия являются не психические процессы или свойства (познание, эмоции, переживания и т. п.), а смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру (ценности и ценностные ориентации людей).

Резюмируя, отметим, что разработка субъектного подхода в отечественной психологии позволила по-новому подойти к пониманию онтологической природы человека. Сущность человека как субъекта проявляется в способности к самодетерминации, трансценденции, саморазвитию. Вместе с тем реализация субъектного подхода представляет сложную теоретико-эмпирическую проблему, связанную с психологическим обеспечением развития субъектности в зрелом возрасте.

Итак, в развитии современной отечественной психологии на рубеже XX–XXI веков можно выделить ряд тенденций.

Во-первых, кризис психологии в связи с отсутствием единой общепсихологической теории. Одним из современных признаков кризиса является попытка отказаться от естественно-научной ориентированности психологии. Ориентированность на марксистскую методологию перестала быть единственно возможной. В психологической науке сегодня прослеживается тенденция ухода от естественно-научного монизма к монизму гуманитарно-научному. Необходимость модификации естественно-научной психологии связана с поиском нового объективного метода изучения психики, предполагающего перестройку самой классической науки, переосмысление критериев научности и ненаучности.

Во-вторых, усиливается внимание к методологическим аспектам. В связи с кризисом особую актуальность приобретают методологические проблемы: проблема единой теории, специфики предмета психологии, единиц анализа психики, метода, адекватного предмету изучения, проблема категорий как психологических конструктов, охватывающих существенные характеристики бытия человека в мире; проблема эвристических возможностей и ограничений естественно-научной и гуманитарной парадигм.

В-третьих, феноменологические аспекты личности становятся господствующими в ее проблематике. Открываются «новые» грани личности: персонализация, субъектность, неадаптивная активность и др. Устанавливается более тесная связь психологической проблематики личности с философией, этикой, социологией, педагогикой, физиологией.

В-четвертых, наблюдается симбиоз западноевропейской, американской и отечественной психологии, в которой наметились следующие тенденции: продолжение марксистски ориентированных исследований; реализация западнического направления ассимиляция западнических течений в психологии, их адаптация, подражание им; развитие христиански ориентированной психологии.

В-пятых, в современной психологической науке доминирует тенденция к интеграции. Путь, по которому идет сейчас интеграция мировой науки, это путь развития коммуникации между школами, взаимного знания теорий и понимания их взаимоотношений и зон применимости. Психология, как и другие науки, эволюционировала от классической парадигмы к неклассической, а затем к постклассической, которая включает не только новые способы осмысления мира, но и рефлексию над основаниями рациональных типов познания. Формируется тенденция к построению интегративного подхода к постижению человека, соединяющего достоинства естественно-научной и гуманитарной методологии. Новый неклассический идеал научного знания находится в процессе формирования.

#### *Библиографический список*

1. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М., 1990. – 367 с.
2. Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С. 319.
3. Брушлинский А. В. Психология субъекта. – М., 2003. – 272 с.
4. Гусельцева М. С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2, вып. 3. – С. 107–119.
5. Забродин Ю. М. Психология личности и управления человеческими ресурсами. – М., 2002. – 360 с.
6. Залевский Г. В. Объяснение и понимание против «циклопной психологии» // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3, вып. 1. – С. 41–45.
7. Корнилова Т. В. Методологические основы психологии / Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов. – СПб., 2008. – 320 с.
8. Мазиллов В. А. Научная психология: проблема объяснения // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3, вып. 1. – С. 58–73.
9. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
10. Слободчиков В. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъективности / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
11. Сосновский Б. А. Актуальные вопросы психологии человека в современной России // Психология человека в условиях социальной нестабильности / под ред. Б. А. Сосновского. – М., 1994. – С. 39.
12. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. – М., 2000.
13. Хомская Е. Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии. – 1997. – № 3. – С. 112–125.
14. Юревич А. В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. – 1999. – № 2. – С. 311.
15. Юревич А. В. Проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3, вып. 1, с. 74–87.

## Рекомендуемая литература

### *Основная литература*

1. Векилова С. А. История психологии: учебник и практикум для вузов / С. А. Векилова, С. А. Безгодова. – М.: Юрайт, 2023. – 324 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/511723>
2. Ждан А. Н. История психологии от античности до наших дней. – М., 1997.
3. Ильин Г. Л. История психологии: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 389 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/510893>
4. Марцинковская Т. Д. История психологии. – М., 2011.
5. Сарычев С. В. История психологии в 2 ч.: учебное пособие для вузов / С. В. Сарычев, И. Н. Логвинов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 211 с. – Ч. 1: URL: <https://urait.ru/bcode/492434>, ч. 2: URL: <https://urait.ru/bcode/492455>
6. Ярошевский М. Г. История психологии от античности до середины XX в. – М., 2012.

### *Дополнительная литература*

1. Ананьев Б. Г. Очерки истории русской психологии XVIII–XIX в. – М., 1947.
2. Большой толковый психологический словарь: в 2 т. – М., 2000.
3. Брунер Дж. Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии. 2001. – № 4.
4. Будилова Е. А. Учение И. М. Сеченова об ощущении и мышлении. – М., 1954.
5. Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. – М., 1972.
6. Виттельс Ф. Фрейд. Его личность, учение и школа. – Л., 1991.
7. Нолл Р. Арийский Христос: тайная жизнь Карла Юнга. – М., 1998.
8. Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. – М., 1966.
9. Петровский А. В. История и теория психологии: в 2 т. / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
10. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. – М.: ИПРАН, 1997.
11. Рамуль К. А. Из истории психологии. – Тарту, 1974.
12. Робертсон Р. Введение в психологию Юнга. – Ростов-на-Дону, 1999.
13. Соколов М. В. Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII вв. – М., 1963.
14. Тутунджян О. М. Из истории научной психологии во Франции. – М., 1967.
15. Фрейд З. Очерки истории психоанализа // Фрейд З. «Я» и «Оно». – Тбилиси, 1991.
16. Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса (нач. 10-х – середина 30-х гг. XIX в.) / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – М., 1980.
17. Якунин В. А. Первые психологические лаборатории // Психологический журнал. – 1980. – № 2.
18. Ярошевский М. Г. Развитие и современное состояние зарубежной психологии / М. Г. Ярошевский, Л. И. Анциферова. – М., 1974.
19. Ярошевский М. Г. Л. С. Выготский: в поисках новой психологии. – СПб., 1999.
20. Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии: теоретические проблемы развития психологической науки. – М., 1974.